

СТОРОЖ ГОРЫ

Документальна-аўтабіяграфічная аповесць

www.kamunistat.org

Мне дамоў, у Мінск, нярэдка тэлефануюць землякі з Бярозаўшчыны. У нашай дзяржаве людзі ўспрымаюць журналіста як вышэйшую інстанцыю справядлівасці. Знойдзе чалавек праз дзесятыя рукі мой нумар -- і вечарам я чую ў трубцы незнаёмы голас, які пытае па-руску: “Эта квартира Козловича?” -- “Казловіча, зямляк, -- адказваю. “А як вы здагадаліся, што я ваш зямляк?” - -- здзіўляецца чалавек. “Па акцэнт, зямляча! На адной жа паляне выраслі”.

... Тую паляну я адкрыў, калі ў шаснаццаць гадоў пачаў актыўна пісаць вершы. Хаваўся дзе мог: на гарышчы хаты ці хлява, у чароце на беразе ракі Вінец, у садзе. Быў выпадак, забраўся ў гушчар калгаснай кукурузы і сачыніў там вершык.

У пошуках інтымных мясцін аднойчы я прыйшоў да маладога сасонніку, пасаджанага леснікамі побач з вёскай на пяччаным полі. Сасоннік быў непразным, але я з задавальненнем палез у зялёную глыбіню, дзе зрабіў адкрыццё.

Паляна! Маленькая, густа засеяная травой. Пад бліжняй сасонкай намеціўся юны мурашнік, праткнуты травінкамі. Мурашы снавалі туды-сюды ў цішыні. Птушкі ў маладых штучных сасняках не селяцца, не пяюць, таму я чуў шорхат мурашоў. Гэтак жа шархаціць Млечны Шлях ноччу -- вы чулі, зямляк?

Я -- чуў, калі цёплай ноччу сядзеў каля сваёй хаты ў вішняку, свяціў ліхтарыкам у блакнот, запісаў:

Свет потух во всех окошках,
Спит село и видит сны.
Тихи в небе зори-крошки.
Звуки ночи. Брошь луны.

Так легко мне. И ни грамма
Грусти нет. Молчу, не сплю.
Слышу, как читает мама,
И слова ловлю, ловлю.

Шепот звезд в оконной раме
Слит с шуршанием страниц.
Спит село. Читает мама.
Мир распахнут без границ.

Мае першыя вершы былі на рускай мове. На той, на якой у нашай хаце не гаварылі і якую я каверкаў у школе страшэнным акцэнтам. Асобныя рускія вершы надрукавалі ў 1963-1964 гады раённая і абласная газеты, абедзве выходзілі на рускай мове.

Чытаючы свае вершы надрукаванымі, я адчуваў дыскамфорт. У маёй душы ішла філалагічная вайна. Біліся чужыя і родныя словы. Рускія словы я прагаворваў у палескім фанетычным аздабленні. Я лавіў сябе на жаданні перакласці свой тэкст на тутэйшы, горскі, лад, каб было бліжэй. Пад вялікім прымусам я пісаў, як наш лес “на зеленую поляну сеет хвойные иголки”. Ну,

якія такія “іголки”! Гэта ж — шыбода. Найпрыгажэйшае горскае слоўка. Яно прасілася ў радок, але я адмаўляў яму і не браў у верш.

Ніхто не лічыў палескую гаворку паўнацэннай, нават гарчакі саромеліся яе ў людзях. Скажам, на калгасным сходзе многія стараліся выступаць па-руску. Калі ў хату прыходзіў мясцовы настаўнік, з ім таксама загаворвалі “па-пісанаму” — па-руску, значыць.

Мабыць, была тут і нейкая рацыя. Акрамя гарчакоў, мала хто разумеў, што такое шыбода. У суседняй вёсцы хвойную іголку звалі бадэха. Паспрабуй зразумець без перакладчыка! Была яшчэ патуха — таксама з хвоі. Чуў я ад сяброў з навакольных вёсак пра тую ж іголку, што яна не шыбода, а важкікі (вожыкі). Была яшчэ і калючка.

Ну, што рабіць з палешукамі, стварыўшымі, як папуасы, тысячы мікрагаворак! Вёскі былі закрытыя адна ад другой балотамі, мікрамовы развіваліся ў ізаляваным сацыяльным асяроддзі. Як звесці шматлікія вясковыя дыялекты ў нешта агульнае, зразумелае ўсім палешукам? Ствараць палескую макрамову дырэктыўна? Шукаць у вёсках універсальныя лексічныя адзінкі, прывучаць да іх людзей? Тады як назваць хвойную іголку: шыбода, бадэха, патуха, важкікі, калючкі? Як клікаць звычайную драўляную лесвіцу: рэбрына, глабына, ступакы, драбына?

У семнаццаць гадоў я не задумваўся над гэтымі складанымі пытаннямі. Але адчуваў іх інтуітыўна. Яны мяне вымучылі ўшчэнт. Скончылася тым, што я кінуў пісаць па-руску і пачаў — па-беларуску. Напрыклад, так:

Маленькімі сонцамі коцяцца
Па стрэхах чырвоныя ягады.
Бліскучыя, ў рукі просяцца
І ў лужы шклянныя падаюць.

А неба сінее на ўлонні іх,
А сонца іграе, бліскае.
Я стаў і лаўлю далонямі
Вясну, што такая блізкая.

Ды дзе ж яе зловіш! Радасна
Крышталёвай лавінай коціцца!
І падаюць кроплі, падаюць,
І ў сэрца просяцца.

Я адразу заўважыў, што палескія словы перацякаюць у беларускую мову лягчэй, чым у рускую. Не трэба было мучыцца з перакладам, у беларускай мове я з радасцю рабіў адкрыцці родных палескіх слоў. Нязвыклае “цеканне” на першым часе стрымлівала мяне, але хутка я на яго забыўся, успрымаў як належнае.

Тут сустрэла мяне новая перашкода. Рытміка палескай гаворкі адрознівалася ад рытмікі беларускай мовы. Адрозніваліся канчаткі і прыназоўнікі. Мне хацелася напісаць: на бэрэговы рэкі. А беларуская мова патрабавала: на беразе рэчкі. Гэта было насіллем. Мая гартань, мой язык, маё

неба, мой мозг, мая душа былі настроены на роднае слова, на прыроджаны рытм, а верш дыктаваў іншага, нязвыклага. Унутраны рух не адпавядаў руху знешняму.

Каб неяк прымірыць у сабе дзве мовы, я перайшоў на свабодны верш. Мне здавалася, вярлібр выратуе мяне. Атрымлівалася так:

Конь панура, маўкліва стаяў.
А гаспадар млеў ад шаленства.
Ён біў і біў каня па твары,
Як чалавека.
Але конь панура, маўкліва стаяў,
Ён не ўзнімаў грывастай галавы,
Не станавіўся на недасягальныя дыбы,
Не іржаў гнеўна і тонка.
Ён нават не бараніў сваіх вачэй,
Па якіх біў гаспадар.
Конь быў сляпы.

Эксперыменты з вярлібрам не прынеслі творчага задавальнення, таму што, відаць, гэтая форма была не мая. Хацелася “плаўнага” радка, а ён не ішоў.

Мае вершы параскіданы ў газетах і часопісах шасцідзесятых гадоў, а найбольш -- у маім рукапісным архіве. Іх я ўспрымаю цяпер як неад’емную частку маіх аўтабіяэкалагічных хронік, таму некаторыя з іх у якасці дакументаў уключыў у кнігі “Беларусы паміж небам і зямлёй”.

Паэзія больш дакладная і падрабязная, чым публіцыстыка, біяграфія душы. Паэзія патрабуе адзінага трапнага слова -- мацярынскага. Паколькі ні руская, ні беларуская мовы не з’яўляліся для мяне матчынай мовай, яны не дапамаглі мне расказаць людзям, як шархацяць у небе Млечны Шлях, а ў траве -- шлях мурашыны.

Палессе беднае на выдатных паэтаў, таму што тварылі яны не матчынай мовай, а вывучанай. Можна, толькі Жэня Янішчыц узялася да арганічнай паэзіі, калі кожнае слоўка пульсуе ў адзіным рытме. Прычым -- у тых яе творах, дзе найбольш мясцовага антуражу, дыялектызмаў, не стылізаванай, а жывой палескай гаворкі (паэма “Ягдны хутар”).

Галоўным здабыткам сваёй паэтычнай творчасці я лічу мясцовы тапонім: ТОЛЮНЭЦ. Так я назваў маленечкую паляну, на якой правёў многа пакутна-шчаслівых гадзін у пошуках слова. Было б ненатуральна, калі б паляна засталася безыменнай. Я ж прывык, што ўсё вакол вёскі Горск мае сваё імя. У Горску не ведалі слова “прырода”. Для мяне гэта не матчына слова, а кніжнае.

Сваёй паляне я даў сваё імя -- Толюнэц. Так зваў мяне бацька ў хвіліны бацькоўскай пяшчоты. Яны былі рэдкія, але я іх памятаю.

Паляна Толюнэц -- самы дасканалы твор лесу, травы, мурашоў і Толіка Казловіча. Калектыўны твор, бліжэйшы да публіцыстыкі, чым да паэзіі. На ўласным вопыце я ўпэўніўся, што чалавек, які дае “прыродзе” канкрэтнае імя, успрымае “прыроду” як часцінку свайго цела і сваёй душы, як асабісты працяг у вечнасць. Гэта -- аснова язычніцкага ўспрымання прыроды.

У ваколіцах Горска было 126 тапанімічных найменняў (я напісаў пра іх кнігу). Значыць, было 126 іхніх аўтараў. Паэтаў-публіцыстаў. Адзін з іх ёсць я.

Я ведаю, якімі шчаслівымі былі гэтыя людзі, калі чулі ў народзе сваё слова.

Я спачуваю іх няшчасным душам, якія цяпер кружаць і кружаць над безыменнай радзімай, аскальпіраванай меліяратарамі.

Я разумею, чаму чалавек, жадаючы надалей захаваць у сабе радзіму, не заўсёды рызыкуе на радзіму вярнуцца пасля доўгага растання. Ён баіцца ўбачыць змены.

На паляне Толюнэц у шасцідзесятых гадах дваццатага стагоддзя пачыналася мая нацыянальная самаідэнтыфікацыя. Скажу больш. Сваімі паэтычнымі пошукамі я даў штуршок нацыянальнай самаідэнтыфікацыі нашай сям'і.

Да маіх вершаў сям'я не надта задумвалася, хто мы. Да 1939 года былі пад Польшчай, затым крыху пад Саветамі, потым 3 гады пад немцамі, з 1949 пад калгасам імя Дзімітравы. Дома гаварылі па-тутэйшаму, па-горскаму, з афіцыйнымі асобамі ўсіх уладаў -- на трасянцы: то палеска-польскай, то палеска-нямецкай, то палеска-рускай. Упершыню прынёс беларускае слова ў нашу хату я, семнаццацігадовы.

Лісты студэнта ляцелі дамоў часта, і выключна на беларускай мове. Маці адказвала па-руску, бацька -- на палеска-рускай трасянцы, малодшы брат Коля -- па-беларуску. Нікога гэткае рознагалоссе не прыгнятала, усе выдатна разумелі адзін другога.

Аднойчы студэнтам я заўважыў, што дома менш, чым раней, мы выкарыстоўваем палескіх слоў. Маці, пачуў я, усё часцей "дзекае" і "цекае", што для Горска нехарактэрна. Яна намагалася перайсці на літаратурную мову, лягчэй давалася беларуская.

Пазней, калі з беларускімі вершамі я развітаўся, працаваў у маскоўскай "Літаратурнай газете", пісаў і размаўляў у асноўным па-руску, -- вось тады маці ў размове са мной пачала вымаўляць канчаткі палескіх слоў па-беларуску. Па-руску ў яе не атрымлівалася. Калі б жыццё яе было даўжэйшым, то маці, мне здаецца, прыйшла б да беларускай мовы. У яе меліся філалагічныя здольнасці. Яна гаварыла і пісала па-польску. У Германіі збольшага вывучыла нямецкую мову. Свабодна чытала беларускія, украінскія, рускія тэксты.

Мусіць, мама адчувала абмежаваныя магчымасці горскай мовы. За два гады да смерці мама сарамліва падала мне спытачак: "Вазьмі на памяць". У спытку быў яе верш, напісаны нашай мовай. Маці раскажвала, як жылося беларускім і ўкраінскім паланянкам у нямецкай няволі. Вось ідуць яны ў драўляным абутку з поля:

Мы ідэм. За нэбокразем
Дэрэвяшкы стук ды стук.
А з нашых тяжкых рук
Судьбынка выпадае.

Судьбынка ў перакладзе — лёс. Але не зусім дакладна. У другіх мовах мама не знайшла больш трапнага слова, таму напісала верш па-нашаму. І тым усталявала ў маёй душы мір: як сказала мама, так і павінна быць.

За небакраем бачылася ёй радзіма, назва якой — вёска Горск. Там чакала яе каханне, мой будучы бацька. Яна не паехала ў 1945-м у Францыю, куды клікаў беларускую дзяўчыну французскі юнак. Не паехада ўслед за сяброўкай у Бельгію, куды клікаў хлапчына-бельгіец, што служыў у немца, а пасля перамогі паляцеў на сваю радзіму. Мама паляцела на сваю — на Палессе.

Свядомы крок да Беларусі мама зрабіла ў шасцідзесятых у саракагадовым узросце. Яе беларускі шлях застаўся няскончаным. У магіле маці ляжыць тутэйшай. Працягваць няпросты палескі шлях да Беларусі наканавана яе сынам і ўнукам. Не прыспешвайце нас, палітыканы!

Процитирую письмо, не вмешиваясь в его стиль и правописание:

«Грамадзянін Анатоль Казловіч. Мне, як чытаму “Народнай Волі”, стала вядома, што Вы збіраецеся выдаць зборнік аповяданняў “Беларусы паміж небам і зямлёй” асобай кніжкай. Калі-б гэтую кніжку Вы напісалі на дзяржаўнай мове, на мове сваёй маці, дык яна мела-б досыць вялікі вопыт у беларускага народа, ей, як кажуць не было-б цаны.

Вы грамадзянін А.Казловіч (нажаль маё сумленне не дазваляе Вас называць сподаром) зь аднаго боку паказваеце сябе, як быццам-бы і сваім “хлопцам”, як быццам-бы зьмагаром за свой народ. Але ў той жа самы час Вы паказалі свой сапраўдны твар манкурта і КДБіскага падхалуйніка. Вашая праца напісаная для беларуса на чужой мове выклікае толькі агіду і блявоціну. Таму сваю “эпапею” прапаноўвайце такім-жа лукашыстам, як і Вы самі, бо беларус у поўным сэнсе гэтага слова ніколі не возьме ў рукі той бруд, аб чым некалі казаў Апостал Павал. Вось яго словы зь Бібліі, ў якіх закладзены вялікія філасофскія думкі: “Бо калі я маюся на чужой мове, дык хоць дух мой і моліцца, але розум застаецца без плоду”. Таму я не хачу выходзіць сваіх дзяцей і ўнукаў на Вашых не толькі бясплодных, але і варажых творах для нашага розуму.

Больш таго за здраду і гвалт нашай маці-мовы, шлю Вам праклён словамі Ніла Гілевіча, Гальяша Леўчыка і Янкі Купалы...

Грамадзянін А.Казловіч, па-чалавечаму мне Вас шкада, што Вы свой талент накіравалі не на карысць Бацькаўшчыне, а падхалуйным вушкам служыце яе лютым ворагам. Вы відаць добра засвоілі заветы колішняга расейскага генерал-губернатара вешальніка Мураўёва: “Няма мовы, няма народа”.

Мікола Канаховіч, сябра Таварыства беларускай мовы. Пружаны”.

“Нэ попраўляй на п’янаму шапку, Толічок!” — гаворыла мне в дэтстве бабушка Ганна. Она имела в виду то, что бессмысленно в чем-либо убеждать дурня. Верю, что бабушка, уроженка деревни Горск, успела убедиться в этом за семьдесят два года жизни. Житейская мудрость передалась ей от отца Игната (моего прадеда), а тому — от отца Игната (моего прапрадеда), а тому — от отца Потапа (моего прапрапрадеда)... Все они родились, жили и почилы в Горске, свыше двухсот лет назад основанном Козловичами на песчаной лесной горе, на

берегу Польского болота, в западной части Белорусского Полесья, на стыке нынешних Березовского, Кобринского, Пружанского, Дрогичинского районов.

Как публицист я — человек публичный, в ответ на свои суждения, зачастую жесткие, всегда готов услышать контраргумент и вступить в дискуссию. Письмо Микола Конаховича — не аргумент, а прицельный удар в область сердца. Удар из числа запрещенных.

Признаюсь, мне больно. Следовательно, Конаховичу впору захлебнуться от удовлетворения? Так же, как и его вождю, председателю ТБМ Олегу Трусову, который в газете *“Наша ніва”* вынес мне как писателю смертный приговор, безапелляционно констатировав, что по-белорусски Козлович сочинять не хочет, по-русски не умеет. Этот Трусов, надо подчеркнуть, разбирается не только в филологии, но и в морском флоте, в международных делах, в археологии, в логистике. Как все отечественные универсалы, он пищиком лез во власть, в девяностых создал под себя какую-то партию.

Председатель Пинской районной организации ТБМ Владимир Гук признает *“важнась і злабадзённась”* моей публицистики, но воспринимает меня *“знішчальнікам нацыянальнай мовы беларусаў”*. Минчанин М.Синякевич убежден, что *“сваімі артыкуламі на акупанцкай мове сп. А.Казловіч садзейнічае паглыбленню русіфікацыі нашага краю”*.

Мои визави, отказав мне в человеческих правах и природных способностях, оставили мне лишь мужскую слезу за впустую потраченные за письменным столом годы. С безжалостными оппонентами невозможно дискутировать по сути вопроса, их доказательная база — грязь тебе в лицо.

Три десятилетия следует за мной по жизни истеричный и злопамятный «сверхбелорус» литкритик Евгений Лецко, радостно фиксируя на писательских собраниях и в журнале *“Беларуская думка”* (бывший *“Коммунист Белоруссии”*) мои промахи в учебе, работе, семейной жизни. *Запэўкаў-залеўкаў* меня по образу и подобию своему. И Бога не боится.

Свою боль я превращаю в публицистику не для того, чтобы образумить *зухаватых хлопцаў*, присвоивших себе Беларусь по лингвистическому признаку. Я держу удар, чтобы защитить и поддержать других, на меня подобных. Их немало, я не хочу, чтобы Беларусь их потеряла.

“У горобья тожэ сэрцэ е”, -- учила меня бабушка Ганна, баптистка, имея в виду, что надо ценить каждого человека, не унижать, не оскорблять, не проклинать, не уничтожать, как это сделали *“зьмагары”*, лишившие права на белорусскость мое сердце, мою родню, моих друзей, мою родину, моих читателей.

“Читая ваши книги, я нахожу в них родственные мысли и чувства. Я благодарен вам за ваше литературное творчество, которое доставляет мне удовлетворение при чтении и уважение к местам, где мы родились, к темам, которые вы затрагиваете. Желаю вам здоровья и необходимых сил для продолжения творчества”. Так пишет мне Николай Колядич, родившийся в соседней с Горском деревне Лука Кобринского района, ныне живущий в Бресте.

“Родом я сельский, хуторской, правда, на семь лет старше вас. Но ваши Горск и Винец — это мои Плещицы с морем желтой лотати и птичьей симфонией в небе по весне. Читая ваши очерки о загубленной природе

Беларуси, ощущая острейший резонанс в своей душе, считаю вас своим единомышленником. На вашу книгу уже очередь среди моих родных и друзей”. Так пишет мне из Пинска Михаил Басевич, настойчиво зовущий меня в гости.

“Шаноўны спадар Анатоль! Вельмі важная асветніцкая роля *Вашай* кнігі, але ёсць няўпэўненасць, што яна дойдзе да тых, каго трэба адукаваць. Вырасшы ў напісаць таму, што мы з Вамі амаль аднаго ўзросту. Вы добра ведаеце вясковае жыццё, гэта адчуваецца ў хроніках. Нешта ў нас ёсць агульнае, што яднае, заклікае быць аднадумцамі.

Яшчэ ў 1984 годзе я ўпершыню стварыў незалежную дзіцячую арганізацыю ў школе. З той пары адны толькі непрыемнасці. Да мяне наведваліся з рознымі праверкамі чыноўнікі ад адукацыі, работнікі райвыканкама, супрацоўнікі КДБ. Калі пачалі вельмі ціснуць, дзіцячая скаўцкая арганізацыя ператварылася ў экалагічную. Але і тут не было спакою. Даходзіла да смешнага, нават назва “Зялёная Дуброва”, якую прыдумалі дзеці, выклікала падазрэнні. Можна, чыноўнікі думалі, што “Зялёны Дуб” пусціў свае парасткі? (“Зялёны Дуб” — беларуская палітычная арганізацыя, якая ў 1919-1930-я гг. кіравала антыбальшавіцкім сялянскім рухам; падтрымала ўласнай вайскавай сілай случкае паўстанне ў 1920 годзе — **А.К.**)

У 2003 годзе экалагічная дзіцячая арганізацыя была ліквідавана, на змену ёй прыйшлі БРСМ і піянеры. Ні адзін настаўнік не выступіў у маю абарону...” Так, са смуткам і болям, піша мне настаўнік Бернард Пакульніцкі з вёскі Буйкі Мядзельскага раёна.

Когда моя мама ходила на родительские собрания в школу, классная руководительница говорила ей обо мне: хороший у вас мальчик, дисциплинированный, учится на четыре и пять, но не поет. Ничто не могло заставить меня в шестом классе на уроке пения выйти к доске и петь задание. Мною руководило нечто более сильное, чем застенчивость. Думаю, это была борьба за самовыражение. И я добился свободы. Взамен пения учительница гоняла меня по нотной грамоте, что пригодились, когда осваивал баян.

Пелось мне, когда ехал из школы домой. Велосипедная тропинка из Подкраичей в Горск четыре километра петляла по сосново-березовому лесу. Перед лесом текла речка Винец. Я останавливался на деревянном мосту, смотрел, как струйки реки бегут, шумят, искрятся, поют. И сам пел. Душой.

Частенько я заворачивал к Королевой Горе, чтобы залезть там на самую высокую сосну. Оттуда открывалась вся родина, отчего сама по себе рождалась во мне песня. Мы пели вместе: я, сосна, земля, небо, ветер. На каком языке? Безусловно, на родном — полесском.

На сосну либо березу я забирался, чтобы петь, а на вишню, чтобы полакомиться. После Великой Отечественной войны от бабушкиной усадьбы остались только три высокие вишни. Чтобы добраться к яголке, я полз по голому стволу, как зеленый червячок. Видели, как он делает это? Вытягивает вперед носик, приподнимает горбиком-колесиком среднюю часть туловища, затем подтягивает задок. И медленно, но упрямо движется к цели.

Бабушка вспоминала, что до войны у нее возле хаты был вишневый сад. В июле 1941-го немцы, свернув с шоссе в Горск, увидели созревшие

бабушкины вишни и решили полакомиться. А как достать, если ягоды недоступные? Два немца закасали рукава, взяли топоры, подрубили самые ягодные деревья, повалили на землю, позвали ораву сослуживцев, поджидавшую в сторонке. *“Едят мое вишне, смэюцца, гэргэчут, а я стою, ныц нэ могу сказаць, язык одняло, думаю, заб’ю т и мэнь, як тую вишню...”*

Бабушка, у которой страх отнял все слова, сравнила себя с вишней. С точки зрения фашистов бабушка и вишня тоже воспринимались как единое целое.

В национал-фашистское восприятие белорусской реальности можно добавить бабушкину хату, нашу деревню, Беларусь и меня, будущего. Вот он я, маленький зеленый червячок, -- на одной из трех выживших вишен. Мы с вишней качаемся в обнимку под легким ветерком. Вдруг всем телом я с ужасом слышу, как по стволу рубят топором. Меня и вишню намереваются срубить, выкорчевать из родной среды. Топором махает Микола Конахович, ему помогает Евгений Лецко. Как два фашиста из бабушкиного военного рассказа. На топорах “заўзятых беларусаў” я читаю: *“Размаўляй са мной па беларуску!”* В сторонке толпятся, смеются над моим страхом, гергечут побелорусски их соратники: Олег Трусов, Эрнест Ялугин, Владимир Глушаков...

Даже если Конахович под улюлюканье своей национал-тусовки приставит свой топор к моему горлу, я все равно прохриплю, что белорусский язык для меня -- не материнский, а выученный. Так же, как русский.

Напомню, в начале шестидесятых годов двадцатого века лидер советской империи Никита Хрущев похвалил белорусов за то, что быстрее всех идут к коммунизму, отказываясь от родного языка. Общество сотворило для юного гражданина филологическую трагедию. Мечтая о журналистике и литературе, деревенский мальчик вынужден был решать, на каком языке писать: полесском, украинском, русском, белорусском.

Для поступления на факультет журналистики требовался трудовой стаж не менее двух лет. У меня имелся год работы в райгазете «Маяк коммунизма». Решил идти на белорусское отделение филологического факультета БГУ, чтобы потом перевестись на журналистику. В окружении юбок я прошел первый курс традиционно женского филфака.

К концу второго курса (я уже был на журфаке) стихов набралось так много, что друзья посоветовали составить из лучших книгу. Поэт и преподаватель Олег Лойко на общественных началах отредактировал мои тексты. Я занес рукопись в издательство «Беларусь», где поэт Степан Гаврусев написал так называемую внутреннюю рецензию. Я сохранил ее. Прочитую небольшой отрывок:

«Прызнаюся, раней не чытаў творы Анатоля Казловіча. Адкрываючы рукапіс яго кнігі, быў настроены амаль скептычна. Хіба гэты жарты – выступіць адразу з цэлым зборнікам вершаў. Насцярожвалі і некаторыя экстравагантныя хлэсткія радкі. Але, перагортваючы старонку за старонкай, чытаючы верш за вершам, я прыемна здзіўляўся, што ўражанне, складзенае міжволі загадзя, паступова расейваецца, змяняецца перекананасцю, што перад намі цікавы аўтар -- са сваёй тэмай, сваім поглядам на рэчы, сваім рытмічным ладам верша, своеасаблівай метафарычнасцю.

Каб не памыліцца ў сваіх меркаваннях, я адклаў зборнік на тыдзень, а ў памяці раіліся радкі, строфы, метафары... Не, я не памыліўся. Перада мной кніга, напісаная чалавекам, які любіць родную зямлю, характавае яе прыроду, умее нешаблонна перадаць свае пачуцці іншым.

Кніга напісаная ў цяжкай манеры -- гэта, па сутнасці, вар'іраванне адной і той жа тэмы: БЕЛАРУСЬ І Я. У такіх выпадках лёгка збіцца на паўтор, але Анатоля Казловіч пазбягае гэтай небяспекі, у яго тэма разгортваецца знутры, паступова паглыбляецца, як у паэме. І хоць цяжка адразу знайсці азначэнне, якое ахоплівала б асноўную якасць лепшых твораў, я ўсё-такі хацеў бы назваць яе. Гэта – юнацкая сарамяжлівасць. Адчуваецца і пэўная тэхнічная вывучка аўтара”.

Далей Гаўрусёў ілюстраваў свае прыемныя для мяне меркаванні прыкладамі з маёй пісаніны. Трапна падмеціў няўдалыя радкі, падказаў, як паправіць.

Пройдзя процедуру отбора и обсуждений, моя книга под названием «Зямныя вышыні» была включена в тематический план издательства «Беларусь» на 1968 год.

Авторы и книги имеют общую судьбу. Заведующий литературной редакцией издательства, детский поэт-сатирик *Хведар Жычка* в свойственной ему солдафонской манере пробурчал мне в лицо, что рано зеленому юнцу иметь книгу, иди набирайся жизненного опыта, мир не только зеленый, как ты сам, но многоцветный. В доказательство моей неполноценности чербер литературы полистал мою рукопись, открыл нужную страничку, с иронией прочитал вот это:

Кругам-лугам галава --
І ўпаду я вобзем.
І ў абдымкі возьме
Сон-трава.
Вочы зелівам засцеле.
Згіне небасхіл.
У танючкіх сцеблях
Згубяцца шляхі.
У ціхую завадзь
Абмакнецца вясло.
Папыву ў памяць,
Дзе непатрэбна слоў.
Нахіляцца травы,
Будуць мяне лячыць.
А мурашкі старанна --
У рай валакчы.
Мора зялёных суквеццяў
На мяне абрынецца тут.
Буду думаць:
У гэтым свеце --
Волат я ці ліліпут?
Абодва мне сілы пазычаць
І позірк на свет.

Я ўпаў у траву як язычнік,
Падняўся — паэт.

Мне тогда нравилось это стихотворение, выделяли его и мои друзья-поэты, коих со мной в комнате общежития на Парковой магистрали обитали три души (Юрка Голуб, Алесь Камароўскі, Іван Станкевіч). Что-то в нем было этакое, что требовало вдумчивого прочтения, уважения к автору. Надо же, Хведар Жычка именно его обмарал своей желчью. У меня не хватило сил с ним спорить. Я молча ушел. На улице заплакал. Зашел в кафе возле Дома печати, выпил водки. Пошел бесцельно по городу. Минуло почти полвека, а я помню тогдашнее отчаяние.

Администрирование и вкусовщина свирепствовали в литературном процессе. Редактор Лойка и рецензент Гаврусев по-отечески мне сочувствовали, пытались защитить от издательского резака, подрубившего крылья многим авторам. Я не смог оправиться от удара. Стихи из меня иссякли.

Полесский мальчик самостоятельно, без принуждения, через творчество, через осмысление своего «я» и бытия земляков-полешуков пришел *да беларускай мовы, да ўласнай беларускаці*. Что может быть прекраснее и перспективнее для Беларуси! Того мальчика надо было носить на руках как еще одну попытку. Нет же, его растоптал малограмотный начальник, от имени государства отвечающий в издательстве «Беларусь» за белорусскую литературу и, следовательно, *за беларускую мову, за беларусізацыю*. Растоптал маленькую надежду, столкнул на обочину.

Частичка моей книги была включена в сборник шестерых молодых поэтов «*Рунь*», он вышел в 1970 году. Мы, авторы, назвали его братской могилой. С большими потугами, освобождаясь от риторического патриотизма, выкарабкался из нее в поэзию лишь Сергей Законников.

Я с головой погрузился в журналистику. То, что не понял Жычка, я решил расшифровать публицистическим методом. Тематически и стилистически моя документально-художественная проза — не что иное, как продолжение моей юношеской поэзии, зараженной врожденным экологизмом, то есть язычеством.

Я не смог преодолеть в себе подбострастия к природе. Срубая в лесу тоненькую осинку на палочку под помидоры, до сих пор шепчу: «Прости, осинка! Я посажу и выращу пять твоих сестричек возле своей хаты».

Шепчу молча, чтобы никто не слышал и не посмеялся надо мной, как нагло и самоуверенно полвека смеялись оппоненты над моим другом Григорием Лашкевичем, героем моей документальной повести «Собеседник травы». Он упал в траву как язычник, а поднялся — профессор. И вмиг появились у профессора-язычника антиподы — лютые враги почвы, воды, леса, воздуха, естественного ландшафта, природно-этнической среды, океана, климата, здравого смысла, язычничьего менталитета.

Лашкевича четверть века нет на Земле, а его антиподы расплодилось несметно. Они продолжают свое гадкое дело в белорусской природе. Враги ушедшего Лашкевича — мои враги. Они это знают, ибо внимательно изучают мои экологические материалы. Один из них, Конахович, в 2003 году прислал

мне безграмотное оскорбительное письмо после того, как прочитал в “Народной воле” мои эссе о Беловежской пушце, распадающейся на отдельные лесные клочки и отдавшей своего охранителя, зубра, в радиационную зону, где огосударствленные “ученые” проводят с ним эксперимент на выживание.

Конахович обитает в Пружанах, рядом с Беловежской пушцей, но его не волнует пушчанская беда, так как земляк Козлович уже сорок лет вопиет о ней не на “мове маці”, за что заслуживает проклятий. Перед нами не “абаронца мовы”, а типичная особь из рода лукавых.

В природе нет лукавых, они протiwоестественны. Отчуждаясь от родной природы, “сверхбелорусы” типа Конаховича отчуждаются и от родного языка как социо-природного явления. Язык затмил им зрение, лишил ответственности. В их среде катастрофически мало честных, искренних, бескорыстных, умных, как мало таковых и в корпорации “мелиораторов”. И там, и тут — мои лютые враги, на протяжении всей моей публицистической практики преследующие меня, рвущие меня на клочки в печати, превратившие мою жизнь в вечную войну.

Через меня объединились лукавые радетели природы и лукавые “філэлягі”. Несомненно, они -- заединые души. Их неприязненные чувства ко мне подтверждают мое доказательство от противного, мое открытие, совершенное в шестнадцать лет на поляне Толюнэц, где втайне от людей я сочинял стихи. Открытие простое: шелест муравьев на травяной тропе, стрекотание звезд и кузнечиков, трепыхание твоей души соединятся тогда, когда ты свободен от лукавства, свойственного всем людям, когда не желаешь ничего более, как только перевести в слова состояние своей души.

Открытия юности опровергаются либо, в лучшем случае, корректируются последующей жизнью. Теперь я знаю больше: как только поэт захотел перевести в слова состояние своей души, им тотчас овладевает амбициозное желание послать эти слова другим людям, информировать, просвещать, поучать, навязывать, заставлять их принять его слова за истину, то есть -- объявлять людям войну.

Поэт, взявший на вооружение публицистическое слово, воюет, ни больше ни меньше, со всем несовершенным, по его убеждению, миром. К публицистике автора побуждает сильнейшее социально-идеологическое нетерпение, овладевающее им как наркотик. Я воспринимаю свою публицистику не точкой зрения полемиста А.Козловича, а единственно возможным вариантом личного поведения.

Публицистика остается литературой и не превращается в идеологическую прокламацию либо политический приговор до тех пор, пока нетерпение публициста не переросло в ожесточение человека. Чтобы не случилось подобное, необходимо немедленно остановиться: соскочить с темы либо сюжета, не идти до конца, не впасть в подтасовки, оставаться объективным, не пытаться во что бы то ни стоило доказать свое убеждение.

Публицист должен ежеминутно помнить, что читать его и сопереживать ему будут друзья-единомышленники, а врагам никогда ничего не докажешь. В этой связи публициста обязательно ожидает разочарование. Если почувствовал разочарование -- уходи из публицистики, иначе станешь циником, страдающим словесным поносом.

Публицистика постоянно балансирует на грани морали и, обладая самодостаточной силой, тянет своего родителя, публициста, за пределы морального поля. Я сопротивлялся своей публицистике из последних сил, потому что не любил своих отрицательных героев и как эмоциональный человек, и как хладнокровный публицист. Бывало, негодяи прятали от меня документы, изобличающие их. Ради истины приходилось становиться на скользкий воровской путь. Документы оказывались у меня. Негодяев — увольняли.

Публицистика как общественное нетерпение автора -- не что иное, как донос. Публичный открытый авторский донос. По причине своей публичности он не может быть подлым по определению, но может базироваться на случайных фактах либо на интеллектуальном невежестве автора. Чтобы доносить обществу о его болячках максимально точно и убедительно, я искал соавторов: классных специалистов, чистых ученых, честных руководителей, мудрых “простых” людей. Все они -- общественно активные личности и обязательно борцы. Мне везло, потому что они, действуя в водовороте жизни, находили меня сами.

Своим главным соавтором я считаю жизнь. Нас -- не опровергнуть! Но мы, повторю, не идем до победного конца, уничтожающего все и вся. Моя публицистика, в отличие от “точки зрения” моих врагов -- не смертная казнь. Есть нечто высшее и более моральное, чем публицистика. Здравый смысл! Здравый смысл останавливает, отрезвляет, расхолаживает, обескураживает.

Накануне своего шестидесятилетнего сентября я пришел со своей мировой войны седым, битым, побежденным, разочарованным в коммуникационных возможностях слова. Чтобы не запылить, начал читать свои детские стихи и обнаружил там предчувствие будущего разочарования. Слишком часто мальчик-поэт мучился тем, что мало хороших людей, что люди любят говорить гадости, что лучше бы таких людей не слышать и не видеть, что хочется онеметь, как односельчанин Вася Козлович...

НЕМКОЎ ЛУГ -- так гарчакі звалі невялікі лужок на ўскраіне Горска. Да луку тулілася сядзіба глуханямога Васіля Казловіча, якога звалі Нямы, або Немко.

Вясной талая вада ператварала той луг у сіняе возера. Вада сыходзіла ў канцы траўня і стаяла пры лузе ў пракапанай канаве. Сапраўдная меліярацыя, як бачыце! Канава была глыбокая, дазваляла нам плаваць, пладзіліся там карасі і шчучкі.

У чэрвені луг зелянеў, шпарка рос, хваляваўся пад ветрыкам. А тады выходзіў з касою Немко, ладна збіты мужчына, клаў травы ў густыя пакосы.

Па негаласнаму ўтавору ўслед за Нямым пачыналі касіць усе. Лічылася, што Нямы ведае, калі пачынаць. У яго асаблівы нюх, ён бліжэй да зямлі, ён чуе, як яна яму кажа: я -- гатовая, чалавеча.

Касіў тут толькі Немко. Нікому гэты луг не належыў, быў нічыі, нават калгас туды чамусьці не лез. Вёска па маўклівай згодзе аддала луг Васілю. Калі хто-небудзь парушаў традыцыю і стараўся ўхапіць тут сенца, вёска такога злыдня асуджала: “Пасаромейся, то ж Васілёва”.

Вёска шкадавала Васіля, пакрыўджанага лёсам. Кожны мужчына, сустрэўшы Васіля, абавязкова спыняўся і гаварыў з ім — жэстамі, усмешкай, мімікай. Усе ўмелі з ім размаўляць і разумець ягонае му-му.

Вася гутаркі з аднавяскоўцамі любіў. Ён жывіў праз дзве хаты ад нас, у нядзелю прыходзіў на нашу лавачку. Падоўгу сядзеў з маім бацькам. Любіў пасядзец з імі і я. Нямы Васіль ведаў усё: хто чый сын, брат, сват; хто ў каго і ў якой хаце нарадзіўся ці памёр; чые дзеці вучацца або працуюць у Брэсце, Мінску ці Маскве і які горад далей ад Горска (у хаце Васіля вісела агромністая карта свету); дзе на зямлі вайна, а дзе мір; хто такія Хрушчоў, Брэжнеў, Шарамецьёў (старшыня калгаса), Астапчук (брыгадзір); намералі ў Горску соткі ці зноў зацягнулі да чэрвеня, нервуючы людзей...

Глухі і нямы, непісьменны, не навучаны сурда-азбуцы, гэты чалавек не застаўся ў вакууме бязмоўя, набыві сацыяльны вопыт.

Нямы стаў паўнагартасным чалавекам, дзякуючы ўзаемным адносінам з вясковым светам. Вёска па-дзіцячы радавалася, калі Васіль ажаніўся, нарадзіў двух сыноў — Славу і Андрэя (абодва на дзесятак гадоў маладзейшыя за мяне).

Глуханямы чалавек стаў чалавекам грамадскім. Гэта значыць, усведамляў, дзе жыве, прыняў законы і правілы грамады. Усё прыняў, усім падпарадкаваўся, акрамя аднаго, галоўнага для чалавека — закона аб працы.

Васіль так і не змог зразумець, навошта ў чалавека забіраюць зямлю, каня, плужок, барану, пуню. Як без гэтага працаваць, рабіць хлеб? — напэўна, думаў ён без слоў. — Якое права мае Шарамецьёў адбіраць у мяне тое, што маё? Чаму я павінен араць чужое поле, аддаваць кудысьці хлеб, а маіх хлопцаў пакідаць галоднымі?

Вёска не змагла растлумачыць Васілю, што такое калгас і навошта ён патрэбен. У гэтым сэнсе Нямы, чалавек грамадскі, застаўся “ў прыродзе” свайго калецтва. Не зразумеў — і ўсё тут. Не аддаў каня і плуг. Брыгадзір Астапчук прыйдзе адбіраць, а Нямы хапаецца за вілы, страшэнна мычыць, хоча нешта сказаць...

Амаль паўстагоддзя Васіль Казловіч быў адзіным у нашай акрузе аднаасобнікам, выклікаючы злосьць уладаў. Знаходзіў у лесе палянку, разорваў, садзіў бульбу, а калгас — знішчаў. У непрыступных куточках касіў сена карове і каню, а міліцыя забірала тое сена з ягонага хлява. Па капейцы збіраў сынам на вучобу ў інстытутах, а дзяржава душыла як аднаасобніка павялічанымі падаткамі.

Васіль састарэў вольным і незалежным. Прадаў каня толькі тады, калі не стала сіл трымаць яго. Сыны дапамагаць бацьку па гаспадарцы не мелі магчымасці. Старэйшы Слава жывіў у Бярозе, малодшы Андрэй у Гродне, затым перабраўся ў Мінск. Калі каня выводзілі з двара, Васіль рыдаў. А з Васілём плакала вёска. Можна, яна так горка не плакала, калі ў 1949-м аддавала ў калгас сваіх коней. Можна, толькі на прыкладзе Васіля яна зразумела найвялікшую сваю страту — страту свабоды працаўніка на зямлі?

Васіля Казловіча я ўвекавечыў у дакументальным фільме. На момант здымак яму споўнілася 80. Мы пасадзілі старога каля карты свету, уключылі святло, камеру. Васіль з усмешкай назірае за мітуснёй вакол сябе, маўчыць. Што такое кіно, ён добра ведае, але маўчыць, тармозіць кінапрацэс. Жонка не

вытрымала: “Ну, Вася, кажы што-небудзь! Людзі ж чакаюць”. Ён зразумеў яе. Развёў рукамі. Паказаў у акно, у далеч за акном, сказаў губамі: “Тпру!” Што азначала: няма каня, няма слоў, няма радасці. Усмешка знікла з яго твару. Нямы ўвайшоў у гісторыю сумным.

Але радасць у яго ёсць — сыны. Я бачыў, як стары Васіль свеціцца думкамі і словамі, калі хлопцы прыязджаюць. Васіль ведае, кім яны сталі. Славiк — прадпрымальнік, мае грузавік, легкавік, жыве ў дастатку. Андрэй? О, гэты — пан, пры гальштуку, -- кажа мне дзед Васіль і тлумачыць, што сын доўга-доўга вучыўся, спачатку ў інстытуце, потым у аспірантуры, а зараз вучыць іншых.

Добра, што глуханямы Васіль не ведае, якая навука авалодала малодшым сынам. Добра, што немагчыма растлумачыць нямому і глухому чалавеку сутнасць той антычалавечай навукі гэтак жа, як немагчыма растлумачыць алагічную сутнасць калгаса. Шчасце дзед Васіля ў тым, што ён ніколі не даведаецца: яго сын Андрэй, як Шарамець і Астапчук, -- камуніст.

Андрэй -- “абноўлены” камуніст. Тыя камуністы, што будавалі ў СССР камунізм, аказаліся здраднікамі ленінскай ідэі. Сапраўдныя камуністы -- толькі яны, сённяшнія. Мэты іх самыя гуманныя, народныя -- справядлівасць, роўнасць, сацыялізм.

Пытаюся ў земляка: ці аддасць твая партыя зямлю чалавеку ў прыватную ўласнасць? Не! Зямлю могуць захапіць акулы капіталізму. Зямля -- усенародная. Калектыўная праца на зямлі -- перадумова росквіту эканомікі. У аднаасобных руках зямля хібеа. Трэба чытаць Маркса. Камуністы больш не зробяць памылак. Мы ведаем, як зрабіць чалавека шчаслівым.

Андрэй, успомні, чый ты сын! Трэба слухаць бацькава “му-му”, а не партыйнае “ме-ме”. Па дзяржаўным тэлебачанні, куды цябе часта выпускае афіцыйны агітпроп, раскажы беларусам пра бацьку, глуханямога мудраца, не ачмурай людзей ружовымі сацыялагічнымі казкамі прэзідэнцкага інстытута.

Не чуе мяне сын селяніна, сацыёлаг, кандыдат навук. У газеце камуністычных артадоксаў “Белорусская нива” напісаў, што ў маёй галаве толькі “шелуха і каша”. З нянавісцю выпальвае, каб я адчапіўся ад ягонага бацькі.

Але я застаюся ўпартым публіцыстам, пытаюся зноў: Андрэй, што падказвае табе крывавы вопыт сямідзесяцігадовай барацьбы камуністаў з нашымі аднавяскоўцамі, з нашым народам? Успомні, Андрэй, як камуніст-брыгадзiр Астапчук страляў з дубальтоўкі за спіной твайго бацькі, каб праверыць, пачуе ці не.

Камуніст-сацыёлаг Андрэй Казловіч мяне не чуе. Быццам глухі. Мармыча пра Маркса, як нямы. Не бачыць гулагаў і курапатаў. Як сляпы. Малады, здаровы, нармальны, а не разумее таго, што зразумеў і лёсам сваім спраўдзіў глуханямы непісьменны бацька.

Скажыце, дзе схаваныя прычыны феноменальнай глухаты і слепаты камуністаў, адарваных ад жыцця, ад народа, ад прыроды? Растлумачце, чаму яны больш за ўсіх ведаюць пра шчасце чалавека і нават зайца? Пра зайца я падумаў, бо нечакана ўспомніў, як Хведар Шаляпін у мемуарах здзіўляўся маніякальнасці камуністаў, якія “знают, как научить зайца зажигать спички;

знают, что нужно этому зайцу для его счастья; знают, что через двести лет будет нужно потомкам этого зайца для их счастья”.

В лице односельчанина-коммуниста Андрея Васильевича Козловича я обрел очередного врага, естественно, беспощадного, как положено коммунисту. Его однопартийцы все как один -- мои враги. Когда в очередной раз земляка приглашают на телевидение растолковать президентский указ, я внимательно слушаю и мало что могу понять из косноязычной речи. Мне стыдно за однофамильца, хочется подсказать ему, как школьнику. Слышу родной акцент и *горэцкі* тембр, вижу, как внешне он стал похож на родителя, вспоминаю, как однажды я со своим отцом зашли к немому Васе на усадьбу с ответным визитом.

Немко пригласил нас сесть на скамеечку у штакетника, за которым росли высокие подсолнухи. В нашем песчаном огороде подсолнухи чахли, у Немко земля была лучше, каждый подсолнух держал тяжелую круглую шапку, наклоненную семечками вниз.

Был конец августа, подсолнухи дозревали. Их атаковали воробьи. К каждому подсолнуху одновременно подлетали снизу по два-три воробья и, зависнув вертолетиками, трепеща крыльями, норовили вылущить семечко. Им удавалось не всегда. Один подсолнух облюбовала стайка серых воробьев, которые издавали резкое: чирр-чирр! Ко второму подсолнуху подлетали воробьи поменьше тельцем и посветлее оперением, эти говорили громче: джиу-джиу!

Мы с любопытством наблюдали, смеялись, обменивались возгласами, жестами. А больше молчали. Воробьев не прогоняли: пусть полакомятся. Немко понимал нас, мы с отцом понимали его, одинаковое душевное состояние не требовало слов. К нам откуда-то прибежал Андрей, ему лет пять. В руках у него веник. “Кыш!” -- вмахнул Андрей веником, и все воробьи синхронно вспорхнули, отлетели, сели на ближайшую вишню. “Му-му-му!” -- негодуяще замычал Немко на озорного мальчика, замахал руками, замычал с болью, мне показалось, застонал от невозможности объяснить Андрюшке, чем плох его поступок, разрушивший гармонию людей и природы.

Андрей по малолетству не помнит о том солнечном дне, о подсолнухах и воробьях. А я вспомнил. Я вижу, что он до сих пор махает своим веником на нормальный мир. А что если бы его отец не был немым? Смог бы более убедительно обучить сына некоторым истинам?

Ничего не могу с собой поделать! И в мирной жизни меня не покидает вера в силу слова! Иначе не стал бы я публиковать эту исповедь как послание друзьям, как предупреждение врагам.

Враги мои! Названные и неназванные! Вас так много, а я один. Лишь раз, в минуту слабости и отчаяния, я засомневался в своей наступательной правоте и публично, в книге “Если бы да кабы”, попросил у вас прощения за человеческие переживания, вызванные моей публицистикой. Меня без церимоний подкорректировали читатели-единомышленники: ты перед кем кланяешься! Не раскисай, ты не один, мы с тобой!

Я привел письмо Конаховича в авторской редакции, чтобы показать, что в человеке отсутствует естественное поведение, что перепутались в нем политиканство и хамство, “наркомаўка” и “тарашкевіца”. Он ничего внятного и убедительного сказать не может, зато научился махать веником и ругаться по-белорусски, как бригадир Сергей Остапчук.

В Горске Остапчук появился в годы войны, в составе сомнительного партизанского отряда, который прославился жестокостью не к фашистам-захватчикам, а к оккупированному населению. Родом Остапчук из деревни Клетное Пружанского района, туда от Горска пару десятков лесных километров, а говор там белорусский. Известный русский мат бригадир Остапчук, ставший после войны горским примачом, всю жизнь произносил в родной фонетической оболочке: *маць, блядзь*. Горчаки так и прозвали его: *маць-блядзь*. Думаю, Остапчук и Конахович нашли бы общий язык, если бы встретились и поговорили про общего знакомого Анатолия Козловича.

Военного пенсионера Конаховича *збілі з панталыку* болтуны-филологи, затеявшие перестройку белорусского языка в тяжелейший исторический период девяностых годов, когда на волоске висела независимость Беларуси. Им захотелось немедленно приучить всех писать не *снег*, а *сьнег* (интересно, почему не *сьнех*?). Они без предупреждения и широкого обсуждения заменили *пяць гадзін* на *пяць гадзінаў*. *Глёбус* и *Эўропа* им показалось благозвучнее, нежели *Глобус* и *Еўропа*. *Карту* они поменяли на *мапу*, внедрили *плян*, но почему-то оставили без изменений *планету* и *плаціну*...

Вузкалёбыя хлёпцы-філэлягі внесли хаос в белорусский язык, политизировали и ужесточили его носителей, отпугнули от него симпатизирующих и колеблющихся. Тактически бездарно затеяв языковую «реформу», они лишили белорусское правописание стабильности.

Абсурдность ситуации понял поэт и депутат Нил Гилевич, председатель *моўнай Камісії* Верховного Совета, в середине девяностых он объявил о прекращении работы Комиссии до лучших для белорусского языка времен. Гилевичу я доверяю, я не чувствую в его истинно националистическом гневеплаче лукавства плакальщиков-политиканов.

В сей миг они обвинят меня в неуважении к Василю Быкову, написавшему последние книги на «*тарашкевіцы*». Открываю его книгу «*Сьцяна*» и читаю: «*Анатолю Казловічу — у знак даўняй прыязнасці і — на дружбу. Васіль Быкаў, 28 сакавіка 98 г.*»

Гений имеет моральное право сотворить прецедент в культуре, обновить общественно-политическую конъюнктуру, ибо гений опережает современников. Через пару десятилетий, когда Беларусь станет суверенной демократической страной, когда над Домом правительства будет развеваться государственный бело-красно-белый флаг, тогда и наступит черед языковой реформы.

Надеюсь, ее исполнители не станут придумывать морфонологию белорусского литературного языка в кабинетах, а возьмут надежные и чувствительные диктофоны, отправятся в разные регионы Беларуси внимательно слушать *мову*. И убедятся, что в реальности она не совсем такая, как зафиксировали пятитомный «*Глумачальны слоўнік беларускай мовы*» (1977-1984) *пад рэдакцыяй Кандрата Крапівы* и «*Беларуская граматыка для школ*» (1929) *Браніслава Тарашкевіча*.

Между “наркомаўкай” и “тарашкевіцай” белорусам придется найти компромисс, чтобы преодолеть разновариантность белорусского языка и основанные на этом домыслы о его незрелости. Сложно доказывать полноценность нации, не кодифицировавшей свой язык.

Я обязательно пойду в экспедицию за *мовай-ісцінай*, если доживу до того прекрасного времени.

В декабре 2003 года журналист газеты «Свободные новости плюс» Александр Томкович брал у меня интервью по поводу выхода моей книги и среди прочих задал традиционный вопрос: «Кстати, а почему вы пишете по-русски? Ваши хроники настолько пронизаны белорусским духом, болью за Беларусь и белорусов, что для них органичнее был бы белорусский язык».

Коллега прав, говоря об органичности темы, души и языка. Мою творческую публицистическую задачу облегчает то обстоятельство, что публицистика не столь тонка и естественна, как поэзия. Публицистика — более рационалистична. Если бы я рожал плод, как женщина, то, как утверждал Штирлиц, кричал бы непременно по-полесски: «Мамо!»

Материнское слово способно наиболее точно выразить и сильную боль, и большую любовь, и тонкие порывы души. В середине восьмидесятых годов Микола Шелягович попытался систематизировать полесский язык в литературной форме.

Я поддерживал земляка до тех пор, пока он был полесским поэтом. К сожалению, поэты часто заболевают политическим зудом. По языковому признаку Шелягович начертил на карте Беларуси «полесскую республику», назвал ее «*Етвызь*», зажег на Полесье искру сепаратизма, публично заговорил об автономии.

Не без помощи и моих статей удалось успокоить Шеляговича, загнать его на периферию политической жизни, где он исчез вместе с полесским литературным языком. Жаль, что политиканство убило поэзию. Материнский язык, так и не заимевший письменности, остается моим акцентом, моим рефлексом, моим внутренним движением. Следовательно, я остаюсь полешуком.

На меня имеет виды украинская община Брестской области. Мне настойчиво присылают газеты, журналы, справочники. Украинцами считают себя многие земляки. Жил-был в соседней деревне Обеч Пружанского района, скажем, Миша, ходил, как я, в Малечскую среднюю школу, а нынче он — Михайло, пишет мне по-украински, убеждает, что и я — хохол, поскольку в детстве говорил «*маты*», а не «*мац*».

Дорогой земляк *Михайло*! Моя мама Мария умерла, и теперь у меня одна *маты* — Беларусь. В аргументах и фактах, подтверждающих мое кровное родство с ней, не нуждаюсь. Я знаю маму по наитию. При переписи населения своим родным языком я как сын называю: белорусский.

Полесский язык — моя личная жертва Беларуси. Жертва хладнокровная, продуманная, как ни крути, политическая. Моя душа в жертвенном акте не участвовала. Разложив широко крылья и нахохлившись, она, как птичка на птенцах, оберегала собой полешуцкие слова: *шыбода, вэдлук, гондэ, пэрэзва*,

бэрвы, мясо, выстэбка, рыдэль, ровэр, шахворост, гычка, палутка, муост, нуос, хліэб, ліэто, жуонка, зэмня...

Мою лингвистическую судьбу, как и судьбы миллионов современников-белорусов, надо судить в конкретно-исторических условиях Беларуси. Первая моя газета «Маяк коммунизма» в Березе выходила на русском языке. «Сельская газета» (ныне «Белорусская нива»), куда меня пригласили студентом журфака, тоже оказалась русскоязычной. Затем были журнал «Неман» (Минск) и «Литературная газета» (Москва).

Журналист обслуживал те издания, где зарабатывал на хлеб. То есть сочинял по-русски. Я 25 лет работал в «Литгазете», русский язык стал доминировать в моих текстах. Белорусские книги я делаю своим рабочим инструментом — русским языком. Так сложилась моя профессиональная судьба.

Поскольку я регулярно выступал в белорусскоязычной печати, в частности, в газете «*Літаратура і мастацтва*», в журнале «*Беларусь*», меня подстерегала беда всякого писателя, работающего на близкородственных языках. Русский и белорусский через меня начали взаимно проникать друг в друга и превращаться в языковую конгломерацию. Это, к сожалению, неизбежный процесс, даже если ты знаешь родственные языки в их правилах и исключениях (из английского и белорусского «винегрета» не получится). Об этом признавался в мемуарах «Доўгая дарога дадому» и Василь Быков, имевший опыт двуязычного писателя. Практически все свои произведения он переводил с белорусского на русский самостоятельно.

Проблему родственного двуязычия познал на себе Алесь Адамович, всю жизнь метавшийся между Москвой и Минском, от языка русского к белорусскому. Он не считал русский язык подрывным, а русскоязычных писателей Беларуси — агентами КГБ. Он радовался их творческим удачам, если таковые случались. Было, отозвал в сторонку и меня, чтобы поблагодарить за очерк о профессоре Лашкевиче в союзном журнале «Дружба народов». Сказал, что после моей публикации ему стала понятна политическая и мировоззренческая подоплёка экологического преступления белорусских «мелиораторов».

Алесь Адамович был прежде всего философом, и его философский взгляд на мой дотошный очерк об истории белорусской мелиорации мне по душе. Социально-экономические и политические причины, побудившие советскую власть в середине шестидесятых годов двадцатого века приступить к тотальному осушению белорусских болот, определяются мировоззрением, игнорирующим природу как равноправного партнера человека по совместной жизни на зелено-голубой Земле.

Коммунист возомнил себя и царем общества, и царем природы. И там и тут он наломал много дров, разрушив цельные человеческие системы (насильственное переселение народов) и извечные природные комплексы (расправиться с Полесьем он чуть-чуть не успел по причине развала тоталитарной империи СССР). Этот монстр разрушения страдал активным дальтонизмом, признавая только красный цвет и отвергая зеленый, так любимый мною с детства, если судить по моим стихам, прямо-таки утопленным в зелени.

Хведар Жычка -- составляющая амёба яростно-незеленого коммунизма и его служебный пес. Потому он выбрал для демонстрации моей творческой незрелости и мировоззренческого ничтожества именно эти строки: “Я ўпаў у траву як язычнік, падняўся -- паэт”.

Но в этих строчках -- суть того зеленого мальчика, который не удержался и стал стихами изливать переполнявшую его любовь к среде, зародившей его как человека, желающего высказаться словами за лес, за траву, за вишню и березу, за ворону и ветер... Он с малолетства овладевал святым языком природы. Он -- язычник. В XXI веке говорят более определенно: он зеленый. Он, возможно, до конца не осознавал идеи своего поэтического послания людям, потому в стихах нет заголовков. Идейным он сделался позже, превратившись из поэта в публициста.

Степан Гаврусев уловил особенность зеленого автора, одержимого и одновременно ограниченного одной темой, которую мой доброжелательный рецензент сформулировал: БЕЛАРУСЬ И Я. Тогда не принято было формулировать свое творческое кредо, к примеру, так: ПРИРОДА И Я, либо: Я И ЗЕМЛЯ. Это выглядело непатриотично. Тогда надо было так: “Сягоння ля свайго пляча чую, дарагія і знаёмыя, крок Радзімы, крокі Ільча”.

Это напечатано рядом с моими стихами в коллективном сборнике “Рунь”. Сочинил такое парнишка из Витебщины, который родился в один и тот же день, месяц и год со мной. Не перестаю удивляться, как мой зеленый ровесник исхитрился услышать “крокі Ільча” там, где я слушал звуки дождя “як пальчыкі па клавішах”.

Сейчас мне 64 года, набирая свои юные стихи на компьютере, я удивляюсь еще одному открытию. Среди вороха поэтических рукописей не обнаружилось ни строчки про партию, Ленина, советскую власть (есть одно стихотворение на полесском языке про смерть Сталина). Сплошь зеленое и синее, переходящее в голубое. Неглубокий критик может назвать все это повторами, ученичеством автора, внимательный -- натуральностью самовыражения.

Критик и поэт Степан Гаврусев увидел в моих вариациях на одну тему признаки поэмы. Юноша сочинял только то, что переживал. Он, конечно, был комсомольцем, патриотом, любил родину СССР, но стихи из этого не рождались. Зеленый мальчик больше любил маму, одноклассницу, родную деревню -- вот что будило его патриотизм и прочие чувства, свойственные юности.

Если бы не был я полешуком, горчаком, язычником -- не смог бы я возненавидеть лжемелиораторов-лжеученых и заболеть публицистической идеей вывести их на чистую воду. Если бы не отдал юные годы зеленым стихам, позже не написал бы историю о том, как уничтожали мою природу как мое начало и продолжение. И, главное, эта одновременно реальная и сюрреалистичная история не была бы зафиксирована в слове, если бы в семидесятых годах XX века я не встретил Григория Лашкевича, идейного соавтора моей зеленой публицистики, моего научного советника.

В 2010 году трагическая история об уничтожении природы получила продолжение -- власти Беларуси намерились осушить Полесье, недоосушенное в восьмидесятых. Мне больно наблюдать возвращение мелиоративного дьявола. Начали сниться тяжелые цветные сны. Однажды приснилось, как мы

с Лашкевичем лежим на берегу реки Винец, слушаем солнечное журчанье и вместе рифмуем то, что видим, слышим и чувствуем. «Анатолий Николаевич, - - говорит Лашкевич, -- зачем мы мучаемся? У вас лежат стихи. Покажем их людям XXI века. Наша публицистика не спасла Полесье. Может, стихи спасут?»

Наши сны -- то, что с нами уже было, происходило. Григорий Лашкевич, в юности писавший стихи, не может не быть соавтором моих поэтических опытов! В 2010 году я решил опубликовать свои полузабытые стихи (в электронном виде, ибо издать книгу нет возможности). Выпускаю их в жестокий свет как бескорыстную детскую надежду, как когда-то, мальчишкой, выпускал найденную на земле после ливня безмолвную зеленушку, подышав на нее, отогрев в ладошках -- лети, птичка, покажи людям, как прекрасен этот свет.

В стихи, написанные в 1963-1968 годах, я, нынешний седой и зеленый, не вносил изменений, не пытался шлифовать их. Лишь убрал вставки и переделки, сделанные тогдашними редакторами. Восстановил по рукописям свой вариант и каждому стихотворению дал номер, как иногда делают в поэме. Я послушал Степана Гаврусева и назвал поэтическую юность поэмой, рожденной в четырех языковых стихиях: полесской, белорусской, русской, природной.

Большая часть стихов, представленных читателю, нигде не печаталась. На старости лет я стал дебютантом.

Непросто было отобрать для публикации то, что отобрано. Процесс можно было продолжать, но меня остановила магия числа -- СТО.

Я как язычник верю в магию чисел: сто -- и точка. Примерно столько же стихов, чтобы не возникло соблазна опубликовать, я сжег, посчитав их эстетически менее самодостаточными. На ритуальный костерок, в котором дымилась, плавилась, курчились и сгорали мои стихи, я смотрел с сожалением. Но стихов мне было жаль не больше, чем прожитых лет.

Как заметил читатель, подавляющее число моих стихов на белорусском языке и языке природы (птиц, леса, неба, воды, звезд, кузнечиков, травы). Сравните их с русскими и полесскими, -- и мы продолжим разговор о филологической проблеме белорусов.

Взаимопроникновение и взаимообогащение различных языков -- объективный культурно-исторический процесс. Однако активный билингвист, носитель двух близких языков, белорусского и русского, непроизвольно смешивает их в своей речевой и письменной практике. Так загрязняются оба языка, в обществе создается лингвистическая антисанитария. Чтобы убедиться в этом, критично вслушайтесь в устную всенародную троянку: «дзярэўня», «трапка», «спасіба»...

Отсылаю читателя к своему эссе «Трасянка» в этой книге. Об упомянутом эссе заодно привожу профессиональное суждение: *«Дарагі Анатоль Мікалаевіч! Вінішую з “Трасянкай”. Гэта – лепшае, што Вы напісалі пра трагедыю Беларусі, культуры і духоўнасці беларускага народа. Ямчэй (у самае “яблычка”) сказаць немагчыма. Наша пагібель – трасянка. Дзякую. Ніл Гілевіч. 28.04.02”.*

Филология -- наука субъективная, через текст она изучает и оценивает прежде всего духовное бытие человека. Истинные филологи, встречавшиеся мне, -- деликатные, несуетливые люди. Познав посредством текста много жизней, они ближе к мудрости, печали, терпению. Они -- интеллигенты!

Гиперполитизированные *філэлягі* Беларуси (их роли исполняют политизированные литераторы, археологи, историки, пенсионеры) субъективность филологии превращают в произвол, давая выход собственной дубоватости. Деятели, придумавшие значок «*Размаўляй са мной па беларуску*», не утруждают себя нравственно-интеллектуальными усилиями понять другого человека. Но разве есть у языка более важная задача, нежели коммуникативная?

Да, белорусский язык как один из главных компонентов нации нуждается в защите, ибо государство бросило его на произвол судьбы, устраивает провокации против ТБМ. В связи с чем деятельность *Таварыства беларускай мовы* перенасыщена повышенной ранимостью, безоговорочной требовательностью. Но от безмыслия не делайте глупостей, *спадары!* У мяне ёсць у ТБМ сябры, якім не падобаецца ідэя памянёнага знака.

Не стратэгі вы, браткі-беларусы, і не тактыкі. На шляху да Беларусі вы ляжыце як высахлыя гаўнюкі, вакол якіх не расце нават трава. Пора бы уразуметь, что наиболее крепко объединяет людей не язык, а общая цель. Мы идем в одном направлении. Неужели в трудном белорусском марше вам не пригодится попутчик Анатолий Козлович и крепкий отряд верных ему штыков?

Послушайте-ка Людмилу Захаровну Сушко, проектировщика из Молодечно: «Уважаемый Анатолий Николаевич! Всякий раз после чтения Вашего произведения у меня возникало желание написать Вам, всегда трогало душу, хотелось продолжить разговор. Значит, Вы делаете большое дело, будьте уверены. Даю почитать все Ваши хроники своей дочке (24 года), маме (82 года, в прошлом учительница начальных классов), муж тоже читает. Обязательно приношу газету с Вами своей приятельнице на работу, она тоже Вас хорошо знает и на очереди читать Вашу книгу. Спасибо Вам за все это. Чувствуется, что Вы просто хороший человек, очень искренний, болеете за Беларусь. Чувствуется горечь за то, что наш народ такой забитый, не проснувшийся, утративший национальную гордость и человеческое достоинство. Правильно, что Вы об этом пишете едко, не жалея, и в то же время бывают трогательные моменты...»

Незнакомый Иван, музыкант и педагог, минчанин, мой ровесник, обращается ко мне как к другу: «Уважаемый Анатолий! Я давно с удовольствием читаю Ваши статьи о родном крае, о земляках. Чувствую, как Вы любите свою малую Родину, людей. Читая Ваши рассказы (поверьте, говорю это без всякого угодничества), я Вас считаю добрым и умным человеком, поэтому много не распространяюсь. Надеюсь, что вы поймете меня и так. Ваши произведения будят белорусов к воспоминаниям и размышлениям. Все, о чем Вы пишете, поверьте, мне очень созвучно, будто я читаю о самом себе...»

Представляя еще двоих замечательных современников-белорусов, я горжусь, что они -- мои читатели. Их ведут к Беларуси русский язык и белорусский дух.

Белорусский дух, как Бог, не покидает Беларусь. Наша природа продолжает зеленеть, цвести, пахнуть, петь, увядать и возрождаться по-белорусски. Природа сохранила предпосылки и гарантии национальной ментальности. Человек не может не видеть, не слышать, не чувствовать, не копировать, не накапливать в себе белорусскости среды, даже если в силу объективных или субъективных причин говорит по-полесски, по-русски, на троянке.

Белорусская природа борется за белорусов, она переливает в нас свои силы, она поддерживает, кормит, спасает нацию, брошенную историей и властями под всякими мастями.

27 апреля 1995 года в Горске я хоронил младшего (единственного) брата Николая. Он прожил 46 лет, писал прозу на белорусском и русском языках, отрывки его лирики я включил в третью книгу «Белорусы между небом и землей».

Отец и мать лежали в земле, жива была крестная мать Николая, которую вместе с мужем, лесником Сергеем Остапчуком, я обязан был пригласить в наш дом на скорбный ритуал. Преодолевая сопротивление души, пошел к ним.

Необъятная усадьба Остапчука, основанная неподалеку от нашей скромной усадьбы, огорожена добротным забором, вдоль него с внешней и с внутренней сторон тянулись аккуратные штабеля стройматериалов: обрезные бревна, доски, рейки. На усадьбе стояли две машины: белая "Нива" и черная "Волга".

В саду, освещенном молодой зеленью, чирикали воробьи, свистели скворцы, громко беседовали мужчины. Выпивали, стоя вокруг столика. Кроме Остапчука, невысокого семидесятилетнего старика, я узнал его соседа и председателя колхоза. Еще двое были мне неизвестны, оба под шляпами, в дорогих плащах, с выпуклыми животиками (позже узнал, что они из местной президентской вертикали). Все пятеро уже накачались.

Сосед Остапчука и наш хороший сосед, Вася Яковчиц, торжествующе закричал мне: "Молодец, что пришел! Жаль Миколку. Похороним как надо. Раз пришел, это надо отметить. Толик, обещай не помнить зла! Что было, то прошло. Сергей, кончайте свою войну! Налейте им! Пусть выпьют мировую! Поцелуйтесь при свидетелях. А ну обнимитесь!"

Мне и Остапчуку щедро налили. Мы стукнулись стаканами, выпили. Подавая в себе память, я обнял старика. Мы поцеловались под пьяное одобрение компании.

Дядя Миша, увидев Остапчука в нашей хате, отозвал меня в сторонку, сказал, что на поминках за один стол с ним не сядет. Призвав на помощь дядину жену Ольгу, я уговорил его не нарушать христианских заповедей, пред ликом смерти племянника усмирить душу.

Смирение из дядькиной души ушло после второй поминальной рюмки. Дядя Миша встал, обратился к Остапчуку: "Ты чего сюда пришел?! Забыл, как

издевался над этой хатой?! Как оставял без бульбинки покойного Кольку, этого вот Толика?! Вон отсюда, фашист!"

Жена Остапчука, зажав мужу рот, потащила его домой.

Мир не наступил.

Дети боятся смерти больше, чем взрослые. Дети состоят только из тела, душа поселяется в нем не сразу. Душа является из окружающего мира, взрослеет, закаляется, готовит человека к вечности.

Не знаю, как будет вести себя моя душа в глубокой старости (пока она молода), зато помню, при каких обстоятельствах, из какого мира она явилась. Мне было семь-восемь лет. Детвора каталась с Остапчуковой горки. Я толкнул в снег дочку Остапчука, которой, видимо, симпатизировал. Она со смехом покатила в снежной пыли. У подножья горки, куда моя симпатия прикатилась, только что прошагали гуси, оставив автографы желудков. Остапчукова дочка встала, обнаружила на пальто гусиные автографы, зло прокричала: "Расскажу папке. Он тебя прибьет!"

Колотилась каждая клеточка тела, как только издали замечал Остапчука. Я убегал подальше. Знал, кто он такой. Злюка. Бригадир колхоза. Коммунист. Взрослые о нем говорили: фашист. Я летел на санках с горки и думал: а вдруг внизу, за кустиками вишен, прячется Остапчук. На деревенской свадьбе ребятня хватала конфеты от невесты, а я не терял бдительности: меня мог схватить пьяный Остапчук. Моих друзей в лесу ждали грибы и ягоды, а меня — еще и Остапчук, он мерещился мне в каждом встречном можжевельнике. Черная тень охотилась на меня днем и ночью.

Подстерег он меня летом. Дети игрались в недостроенном сарае моего дяди Коли. Остапчук туда незаметно влез через крышу, встал у двери, пропустил наружу моих друзей, подошел ко мне, произнес свое «маць-блядзь», железными пальцами схватил меня за ухо, крутанул до горячего хруста. Я закричал от боли. По ноге побежала теплая струйка, что означало, что мальчик от страху не сдержался.

К жизни вернул голос тети Нюры: "Что ты делаешь с хлопцем, душегуб!"

Значит, во мне присутствовала душа, коль тетя Нюра беспокоилась о ней. "Мог искалечить горькое дитя на всю жизнь," — вспоминала она через много лет, когда я, пятидесятилетний, пришел поздравить ее с семидесятилетием."

Серый день потонул в осенней ночи. Черная ночь в нашей хате. Лампу не зажигали, чтобы сэкономить керосин. Во тьме я слышал голоса матери и бабушки.

Ранней весной, когда еще лежал снег, отец собрал в деревне шестеро мужчин и уехал в Алтайский край строить коровник. Он вернется, когда опять выпадет снег. Привезет три тонны пшеницы. И мы заживем. А пока в доме нет еды. За то, что отец уехал из колхоза, бригадир Остапчук не дал нашей семье огорода и сенокоса. Наказаны и остальные отходники.

У нас — ни бульбинки. Колхозную картошку, знали мы, выкопали месяц назад. Как всегда, ее много осталось в земле, но Остапчук никому не разрешал перекапывать. Мать и бабушка решили завтра рискнуть. Накопаем — будем

живы, дождемся алтайского хлеба. Мать спрашивала: "А если поймают?" Бабушка успокаивала: "Поймает — не съест. Он не зверь. У самого трое детей." — "Ой, зверь!" — уверенно говорила мама.

Утром-притемком мы пришли на колхозное поле. Оно было покрыто белесой коркой. Под лопаткой хрустело, будто разбивали стекло. Картошка была ледяная. Я бросал ее в кош, как горячий уголек. Быстро накопили мешок, перекинули через раму велосипеда, повезли домой. Я вел руль, мать толкала сзади. Бабушка осталась на поле копать.

Страх парализовал меня, когда подходили к своей хате. Ждали встречи с Остапчуком, знали его тактику. И он появился из-за нашего сарая. Сидел в засаде. "Где взяли?" — пихнул ногой мешок. Я чуть удержал велосипед. "Перекопали, — тихо сказала мать, — все равно смерзнет. — И спросила:— Высыпать?" — "Что, хочется жрать, *блядзь нямецкая!*" — Остапчук засмеялся, пихнул мешок, ушел.

Мы высыпали мешок в сених, прикрыли бульбочку дерюжкой, чтобы не мерзла, отправились на поле. За день накопили пять мешков. Весь день мама плакала не переставая. Я понимал, почему.

В Германию немцы увезли ее насильно в 1942 году. Работала у помещика на поле, убирала в доме. Простудилась, заболела бронхиальной астмой (от чего позже и умерла). Домой мать вернулась в 1945-ом. Однажды я подслушал, как она рассказывала подруге о возвращении: "Пришла из станции — сразу на печь. Три года не грелась. Открывается дверь, в хату вваливается Остапчук. Как узнал, что я приехала? Прыг ко мне на печь. Я опомниться не успела, его рука у меня за пазухой, на цыцке. Мама, что не отходила от меня, не постеснялся. У, кобель! Как толкнула — полетел с печи."

Остапчук оскорбил мать при мне. Ненависть к таким типам, как он, раньше срока сделала меня взрослым, а затем, возможно, заставила перейти из поэзии в публицистику. Мне было десять лет, но я понимал, что творится в деревне и в государстве. Знал, кто МЫ, кто ОНИ. Видел, что между двумя силами идет сражение.

Они непрерывно наступали, мы занимали оборону, используя особенности местности. Они хотели выморочить нас колхозом. Мы жили тем, что ловили рыбу, стреляли зайца, драли лыко, собирали грибы-ягоды, ткали рушники, лепили горшки, валяли валенки, сушили лечебные травы, делали бочки, гнали самогонку, молились в баптистском доме...

Корм на зиму для коровы мы заготавливали на бесхозном поле. Начиналась мелиорация, колхоз получал осушенные болота, лесные старопахотные поляны бросал. На них вырастала сурепка.

Желтое море сурепки в зеленых берегах леса. Гудят пчелы. В море — старая женщина и мальчик. Бабушка Ганна и я, двенадцатилетний. Бабушка жнет сурепку, я толкаю в мешок.

Туго набитый мешок я привязывал к багажнику велосипеда, вскакивал на седло, балансируя, ехал по лесной дорожке три километра домой. Ехал со страхом. Боялся Остапчука. За каждым поворотом ждал его. И попался-таки ему в лапы.

Остапчук заставил меня отвязать мешок, вытрясти сурепку на дорогу. После экзекуции он сел в бричку, секанул жеребца, исчез в пыли. Я лег ничком на колючий мох под низкой сосной, заплакался. Собрал сурепку, завез домой, тонко расстелил. Двор был укрыт сурепкой. Подсыхая, она горько пахла. Молоко пахло сурепкой, горчило.

Бабушка Ганна по мне догадалась, что на дороге нечто произошло. Да и задержался я в этом рейсе дольше обычного. Рассказав ей о встрече с Остапчуком, я дал выход ненависти: "Спалю его сарай!"

Бабушка неожиданно для меня рухнула коленями в высокую сурепку, сложила ладони, громко, на все желтое море, произнесла молитву: "Господь милосердный! Прости погубителю грех перед дитятком! Прости, Господи, злomu духу, что потревожил душу молоденькую!"

Поднявшись, бабушка обняла меня, поцеловала, перекрестила: "Забудь, Толик, злые слова свои. Забудь! Бери мешок. Я много нажала, пока ты ездил."

Мы кормились природой, до шестидесятых годов, до тотальной мелиорации, она была бездонной камерой народа. Природа была гарантом нашей физической и духовной стойкости. Укоренив свою оборону в местность, МЫ стояли бы еще долго, если бы ОНИ не поняли: победить нас можно, изменив ландшафт и климат.

На Остапчуковой горке собиралась вся детвора. Остапчуку мы надоели, горка мешала контролировать окрестности. Приполз бульдозер "сталинец", сбросил горку в лужок.

Благодаря Остапчуку, мы впервой увидели и экскаватор. Он пролезгал по деревне, разворотил улицу, порвал стрелой радиопровода (электричества еще не было), завернул на усадьбу Остапчука, всю ночь ревел при свете фар.

Утром деревня увидела продолговатую яму, заполненную водой. Бригадир захотел иметь семейную купальню. Чтобы почувствовать себя полноценным помещиком.

Поначалу нас, челядь, из бригадирской купальни прогоняли, да Остапчуку надоело. Его собственные дети были нормальные деревенские дети, без нас скучали, поэтому в ихней воде мы вскоре плескались, как в своей. Жена его тоже была нормальная, не кричала на нас. Она не являлась половинкой мужа. Дружила с моей матерью, приходила к нам, плакала, что Бог послал ей Остапчука.

В пятнадцать лет в Остапчуковой копани я уже не купался. Забавлялась в ней голая малышня. 10 августа — это число, как больная заноза. От Остапчуковой копани я услышал отчаянный крик. Побежал туда. На траве без движения лежал худенький мальчик, мой десятилетний сосед, на нем, рыдая в голос, сидел его младший братик, поднимал-опускал лежавшему руки. Выяснилось, делал искусственное дыхание. Я стащил спасателя с утопленника, стал делать, как учили в школе. Набежали люди. Приехал фельдшер.

Мальчика не спасли. В двухсотлетней истории моей деревни это единственный утопленник. Мы с семи лет ныряли в бездонные виры, вырытые речкой Винец, переплывали ее, не умея плавать, но природная вода

выталкивала на свет божий. Вода превратилась в сгубу, когда просочилась в адскую яму на усадьбе колхозного божка.

В деревне появилось проклятое осиротевшей матерью место. Взрослые и дети боялись глянуть в ту сторону. Остапчук запустил в пруд рыбу, однако рыба в мертвой воде задохнулась. Вода в Остапчуковой копани сгнила, не смогла жить без подпитки параллельно соединенного резервуара — болота, которое осушили. Зброшенную яму и ее берега заселили осинки и березки. Через сорок лет вырос лес.

Милые врачеватели белорусской земли, непритязательные осинки и березки! Сколько окопов, воронок, рвов вы запеленали живительной зеленью, сколько тяжких воспоминаний приглушили своим ясным трепетом! Но не удалось вам преодолеть проклятья Остапчуковой ямины.

К усадьбе Остапчука пролегла укатанная автомобильная колея. Номенклатурная братва едет к леснику за стройматериалом.

Они продолжают наступление против народа. На отвоеванных территориях они ставят коттеджи. Это — не жилье. Это — долговременные зенитные огневые точки, где засели злые духи. Их оттуда не выкурить. Дзоты гарантированно перебросили их в двадцать первый век. Гарантию дал умелый лесник и плотник Остапчук.

Сделки президентской номенклатуры с Остапчуком шумно обмывались в проклятом лесочке. Дважды шабаш злых духов из лесочка перекидывался на всю деревню — в 1995-м и 1996-ом годах, во время президентских референдумов. Тогда они вывешивали на клубе красную тряпку. Остапчук бегал от хаты к хате с красной урной, показывал, как голосовать, чтобы вынести смертный приговор белорусскому языку, *Пагоні, бел-чырвона-беламу сцягу*.

Умер Сергей Остапчук в 1997 году. Умирал долго, мучительно.

Деревенский дед, ровесник Остапчука, говорил мне: "Так ему и надо! Тяжелая смерть послана антихристу за то, что мучил людей и в войну, и в колхозе, что выдрал крест, где мы провожали своих. Крест был дубовый, закопали мы его на два метра. Остапчук вырвал трактором. Делали они это ночью. Он и дружки из сельсовета. Волочили буксиром. На земле крест оставил ров. Я пошел по следу, нашел крест в лесу. Поцеловал, попросил у него прощения, украсил мхом, вьюнком, попрощался».

О муках живого человека дед говорил со злорадством, о муках дубового креста — с состраданием.

Нет гармонии в белорусской душе, потревоженной коммунизмом.

Белорусы нуждаются в белорусском крае, запечатленном их этнической наследственностью. Социально-политическая составляющая белорусского этногенеза неустойчива на протяжении многих столетий, ее уравнивала составляющая природно-биологическая, она давала и продолжает давать шанс белорусам как нации. К несчастью, оставаясь детьми природы, язычниками, белорусы не обучились прагматичной хитрой национальной

політыке. Як толькі навучацца -- з назапашанага пласта беларускаці зафантаніруе беларуская мова.

Безусловно, политически зрелыми и целеустремленными как нация белорусы станут в рамках национального государства, под водительством истинно национального лидера. Уже очевидно, что Александр Лукашенко не станет таковым, хотя к концу первого десятилетия XXI века в его деятельности произошли некоторые положительные трансформации (в сфере экономики). Однако в декабре 2009 года на пресс-конференции всем СМИ Беларуси он заявил, что проблемы языка в стране решены и не надо к ним возвращаться.

Вернемся обязательно! Проблема белорусизации встанет перед белорусами во весь рост, но после Лукашенко. О Беларуси скажут свое слово нынешние зеленые мальчики.

Отрывок из этой повести был опубликован в “Народной воле”. Сверхоперативно отреагировал писатель Эрнест Ялугин, мой старинный приятель, сябра ТБМ. Не утруждая себя мыслями и аргументами, коллега поместил в той же газете такую характеристику моим искренним признаниям: *“У нашых сённяшніх жыццёвых рэаліях усё гэта выглядае зусім не столькі палкай палемікай студэнта-першакурсніка, колькі хутчэй нагадвае жанр ... палітычнага даносу. Не выключаю — з адпаведнымі наступствамі для існавання ТБМ увозуле”*.

Мою профессиональную судьбу, мою боль он считает политическим доносом. Не более того! Не впервой убеждаюсь, как политика способна упростить самую сложную проблему и оглушить человека. Объясняться с лукавыми бессмысленно. Остается одно: позвонить и по-мужски напомнить, что за подобное обвинение, тем более публичное, обычно дают по морде.

Зрелый мужчина, коим я вижу себя в зеркале, будет защищать вечнозеленого мальчика. Это морально. Аморальным было бы бросить зеленого мальчика на съедение политизированным филологам, под топор Канаховича, на растерзание “сверхбелорусов”, написавших мне следующее:

“Спадар Анатоль Казловіч, вашы хронікі інакш як расейскім халопствам нельга назваць. Яны нас абражаюць як беларусаў. Мы б хацелі іх чытаць на беларускай мове, а не на расейскай. Прынцыпова іх не чытаем. Нам вельмі спадабалася пісьмо, якое прыслаў вам Мікола Канаховіч. Яно справядлівае. Мы ва ўсім падтрымліваем шаноўнага спадара Канаховіча. Вельмі шкада, што Анатоль Казловіч так не любіць і не паважае беларускую мову і піша не для беларусаў, а для расейскіх халуёў у Беларусі. Ганьба вам за гэта. Гонар маем! З непавагай да вас -- жыхары горада Віцебска Віктар Санько, Пётр Ляховіч, Максім Улейка”.

От “непавагі” Виктора Санько и его единомышленников меня защищает ... тоже Санько, Андрей, живущий в городе Поставы Витебской области. Он пишет: “Микола Канахович, проклинающий вас, уважаемый Анатолий Козлович, проклинает то, что есть в каждом мужчине, а в каждом из нас живет зеленый мальчик, искренний, непосредственный, ничем не испорченный. Проклинать его -- то же самое, как отец проклинает своего ребеночка. Не по-мужски это. Многие белорусы-мужчины ведут себя, как

сварливые истеричные бабы. Канахович не ведаёт, что творит. Продолжать с ним разговор нет смысла, это будет не мужской разговор. Про белорусский язык нужен разговор прямой, без бабской подозрительности, мужской”.

Да мужчынскай размовы далучылася жанчына з Пружанаў, дзе жыве вайсковец-пенсіянер Канаховіч. Адтуль я атрымаў ліст ад настаўніцы Галіны Іванаўны Казак:

“Добры дзень, паважаны Анатоль Казловіч!

Мне імпануе тое, што вы апавядаеце ў сваіх творах. Здзіўляе ваша ўсебаковая эрудыцыя. Вы так дэталёва праціскваецеся ў глыбіню сучаснага і мінулага жыцця беларуса, дабіраецеся да яго каранёў, закранаеце душу і сэрца чытача, што міжволі пераносіцца ў сваё дзяцінства і юнацтва. Успамінаеш, задумваешся, далучаешся да дзеючых асоб, параўноўваеш з сабою. Я рада, што сярод нас з” яўляюцца такія людзі, як вы. І пагэтану мы не згінем. Будзе жыць і наша Беларусь.

Пішыце, Анатоль Мікалаевіч так, як вам пішацца. Пакуль хопіць вашых сіл. Не звяртайце ўвагі на такіх, як Канаховіч. Не зламайцеся ад крыўды на іх. З Канаховічам я незнаёма. Але нашы бацькі ведалі адзін другога добра, нават анекдатычная сутыкоўка адбылася паміж маім бацькам Іванам і ягоным бацькам Аляксеем. Пры сустрэчы мне было б што сказаць яму ў дачыненні да вас. Мы будзем чытаць вас і на рускай мове. Пішыце, як падказвае сэрца. Галоўнае, як мне здаецца, данесці да беларуса яго праўду. Нічога не прапусціце, не распыляйце свае сілы. Вам удаецца ўскалыхнуць чытача”.

Женскую мудрыню і мяккасць прывнесла в мужской разговор Ольга Ивановна Прокофьева из Пинска:

«Здравствуйте, зеленый мальчик. Вы человек с поэтической душой. Спасибо вам.

Спасибо за все, что вы написали и еще напишете. Желаю вам здоровья, сил, уверенности в своей правоте. Не обращайтесь внимания на выбрики недалеких людей. Это у них от недоумия или от черной зависти.

Я тоже говорю и пишу на русском языке, хотя сама белоруска. Я нарадзілася ў вёсцы Пасталова, суседняй з вашым Горскам. Бацькі мае загінулі ў вайну, выхоўвалася ў Пружанскім дзіцячым доме. Не наша віна, што так здарылася, што мы больш размаўляем па-руску. Так склалася гісторыя Беларусі. Прыйдзе час – Беларусь абавязкова ажыве. Таму што мы яе любім”.

З Гродна адазвалася Лілія Фёдараўна Заяц:

“Свой ліст я пішу не толькі для таго, каб сказаць вам “дзякуй”, падтрымаць. Калі Мікола Канаховіч вам піша, што вы “паказалі свой твар манкурта, КДБісцкага падхалуйніка”, мне ўспамінаюцца канец 80-х-пачатак 90-х гадоў. Тады пачынаўся апазіцыйны рух, параджаліся БНФ і другія партыі. Беларусь бурліла мнагатысячнымі мітынгамі, беларусы хацелі людзьмі звацца, не баяліся на тых мітынгі хадзіць. У нас у Гродне быў створаны патрыятычна настроенай інтэлігенцыяй клуб “Паходня”, вакол яго гуртаваліся інтэлігенты, рабочыя. Было вельмі многа цікавых людзей. Прыходзілі і

чыноўнікі. У асноўным гэта былі людзі, якія любілі Беларусь і шчыра хацелі дэмакратычных перамен.

Але паступова галоўным крытэрыем адносін да прысутных стала ўменне гаварыць на беларускай мове. Як толькі хто пачынаў выказваць свае думкі на рускай, адразу ж чуліся кплівыя галасы: “кадэбіст!” Таму на першыя ролі пачалі выходзіць “хлёпцы-філэлягі”. Можна, таму і былі прайграны першыя выбары, што з селянінам ды рабочым гэтыя “хлёпцы-філэлягі” не ведалі, аб чым гаварыць, акрамя пытанняў мовы, культуры.

Вось тут прычына, чаму працоўны беларус стаў адмоўна ставіцца да апазіцыі, да тых, хто размаўляў з імі па-беларуску, агітуючы на выбарах. Не цёмны і не забіты беларус, ён адчуваў, што яго клопаты не турбуюць тых, хто гаворыць з ім толькі па пытаннях мовы і гісторыі. Далёкія яны ад жыцця простага працоўнага”.

К сер'ёзному разговору падключыўся Николай Леонавич Емельянов, настоящий мужчина из Бреста:

“Белорусы по своей воле не говорят на родном языке. Они отказались от него на референдуме 1995 года. Да, были приписки, фальсификация. Но не настолько, чтобы исказить картину. Картина печальная: Беларусь как нация уходит в небытие. И родной язык, и свобода белорусской нации не очень-то и нужны. Этой нации на блюдечке преподнесли в 1991 году независимость и родной язык, а она от божьего дара отвернулась. Как свинья под дубом.

Кто был всегда совестью нации? Поэты, писатели, художники. Где они сейчас? Что, бичуют пороки режима? Воспитывают нас, просвещают, открывают лучшую сторону наших душ? Спросите молодежь о белорусских писателях, журналистах, которые глаголом жгут сердца людей. Попросите молодежь назвать имена. В лучшем случае назовут пяток имен старой гвардии. Молодых — нет? Почему? Нет в Беларуси талантов? Думаю, что есть. Просто у молодых талантов (в большинстве) гибкая спина, нет той твердости духа, несгибаемости, которые отличают Василя Быкова, Рыгора Бородулина, Анатолия Козловича.

Уважаемый Канахович! Что, по-вашему, получил Козлович, кроме синяков и шишек? Какие дивиденды он нагреб? Обласкан Путиным и Лукашенко за то, что пишет на русском языке? Уверен, что нет. Слежу за его публикациями давно, со времен его работы в “Литературной газете”. Меня всегда восхищали его честность, мужество, гражданская позиция. Но его голос — “глас вопиющего в пустыне”. Бьют таких и свои, и чужие. Написал по-русски — ату его! А если поляк напишет: “Беларусь не згинела?” Он, значит, — агент Польши?

Поскольку сейчас русский язык у нас реально занимает господствующее положение, белорусизацию надо вести именно на русском языке (конечно, лелеять и продвигать в жизнь белорусский!). Надо кропотливо, ненавязчиво прививать национальные ценности, ценность подлинной свободы, объяснять красоту мовы. Делать это надо постепенно, без насилия. Процесс этот, на мой взгляд, длительный. По-моему, на данном этапе молодежь к Беларуси по-иному не приучишь. Козлович делает это блестяще. Он заслуживает благодарности Беларуси».

“Шаноўны спадар Казловіч!

Мне падабаецца стыль вашага апісання, беларуская (паляшувская) існасць душы вашых герояў, а значыцца, і вашай. Бо нельга прыгожа пісаць пра тое, што не любіш. Але нутром не магу прыймаць ваша пазёрства ў непрыманні мовы, проста пагрэблівых адносін да “душы народа”...

Я нашчадак хана Залатой Арды Тактамыса (Тахтамышы), значыцца, чынгізід, але я нарадзіўся на гэтай зямлі, у гэтым народзе, і павінен быць ім удзячны за тое, што яны прынялі мяне. І я не маю права пляваць на яго мову. Я паважаю вас як пісьменніка, але не паважаю як беларуса.

А яшчэ я калекцыянер. Збіраю грошы і аўтографы вялікіх беларусаў. Калекцыя вялізная. Разбіраючы і апісваючы старажытныя метрыкі ВКЛ, сярод аўтографаў каралёў Польшчы і вялікіх князёў ВКЛ, беларускіх магнатаў і шляхты я сустрэў імя Казловіча.

“Ленартъ Мартинович Олехновича, землянин господарський повету Волковскийского» ... у сваім “венным лісце” ад 27 студзеня 1567 года перадае “малжонке своей милой” пані Марыне, дачцэ пана Лукаша Адамовіча, маёмасць рухомую і нерухомую ў маёнтку Манцякі Ваўкавыскага павету (цяпер Зельвенскі раён, на мяжы з пушчай) на суму 30 коп грошаў літоўскіх. На дакуменце тры пячаткі-сігнеты (відаць, сведкаў-шляхты) і адзін подпіс: “Уладзіслаў Янавіч Казловіча, каморнік Ваўкавыскага павету уласнаю рукою”.

Увесь тэкст “вена” напісаны старажытна-беларускай мовай, а подпіс каморніка -- польскай.

Адсколь лагічна напрошваецца вывад, што род Казловічаў ужо 438 год пагрэбліва адносіцца да беларускай мовы. Ці не пара адумацца? Альбо адкрыта перайсці ў лагер ворагаў беларусчыны?

Міхась Вераціла, Ваўкавыскі раён, г.п. Краснасельскі”.

Такие вератилы живут со мной в Беларуси! Чтобы что-то доказать им, надо быть не потомком шляхтича каморника Владислава Козловича, а самого римлянина Палемона, в средневековье изобретенного литовско-белорусской шляхтой в доказательство своего знатного происхождения.

Не думаю, что белорусские татары столь высокомерно и высокопарно представляют себя “ханскими” наследниками. Я знаком с татарами. Они простые, хозяйственные, неполитизированные, толерантные, чем-то похожи на нас, белорусов. А вот евреи, столетиями живущие с нами бок о бок, все же отличаются от нас. Знаете, я иногда завидую белорусским евреям. Понимаю, что требуется обоснованная аргументация.

Обсудив на собрании в Минском Доме литератора какую-то очередную проблему, писатели разошлись. Каково же было мое удивление, когда через час с лишком, переделав уйму дел, проезжая на машине перекресток улиц Кирова и Ленина (напротив МИДа, в полутора километрах от Дома литератора), я увидел, что собрание ... продолжается.

Неподалеку от светофора стояли писатели, с которыми я недавно сидел в одном зале, человек пять-шесть, жестикулировали, что-то доказывали друг другу. И все были евреи.

Меня, как говорят, пронзила острая мысль о том, что у них нашлась собственная проблема, отличная от общей, только что обсужденной. Я невольно представил, как они шепотом (чтобы не слышали неевреи) договаривались о встрече за пределами Дома литератора, как аргументировали тему разговора и место сбора. Кстати, подумал я, почему они собрались на видном месте, а не в кустах? В чем тут еврейская логика?

Уверяю вас, читатель, я не вспомнил бы о странной кучке талантливых евреев на белорусском перекрестке, если бы вскоре некоторые из них не оказались на земле обетованной или около нее. Их нынешнее местообитание наводит на тему их давнишнего собрания. Они, безусловно, говорили тогда о том, как скучковаться теснее, чтобы сохраниться евреями, чтобы увидеть (или своими глазами, или хотя бы глазами детей и внуков) прекрасный край, государство Израиль.

Земля предков была их насущной и ежедневной как хлеб проблемой. Земля предков являлась перспективой, стратегией, тактикой. Тоска-мечта о крае обетованном была столь возвышенной и моральной, что им можно простить обычные человеческие недостатки. Еврейские недостатки — это продолжение страстной еврейской мечты. Вполне допустимо, что они думают о своей земле, даже когда с утра думают об выпить, как выразался известный еврей-писатель.

О евреях я заговорил, думая о белорусах. Евреям, рассеянным по миру, земля обетованная, далекая, мифическая, светит солнцем, пронизывает сердце, прибавляет в душу еврейства как пороха в патрон. Белорусы свою землю вольны, что называется, взять руками. Возьмут — и что же? Увидят почву, прикинут, подходит ли под картофель, гречку или огурцы. Но не увидят рай земной по имени БЕЛАРУСЬ.

У белорусов нет этнического воображения. Древний ледник напахал в Беларуси много глубоких озер и скромных взгорков, а белорусы нуждаются в ВЫСОКОЙ ГОРЕ, которая дала бы им возможность увидеть свою страну — и засмеяться, восторженно заорать от националистического счастья. Как безумно орали мы, горские мальчишки, взобравшись на самые высокие деревенские березы. Деревню Горск мои земляки основали на песчаной горе среди болот и лесов, закрывающих горизонт. Мы карабкались на березу, чтобы увидеть свою Родину дальше, чтобы вдохнуть ее в себя больше...

Сейчас я решаю головоломку: что же двигало теми мальчишками пятидесятых-шестидесятых годов двадцатого века? Не владела ли ими национальная страсть? Возможно, в них жила неосознанная белорусская идея, унаследованная от предков. Идея состояла в том, чтобы сохранить в себе ширь и глубину Родины, сохраниться аборигенами, то есть белорусами. Если бы это было не так, то в юности я не полез бы на березу возле своей хаты с фотоаппаратом ФЭД (Феликс Эдмундович Дзержинский) и не "щелкал бы" им во все стороны света. Увы, чувствительности пленки и зоркости объектива не хватило, чтобы запечатлеть то, что увидели детские глаза, почувствовало маленькое сердце, родившее первые стихи...

В двух шагах от березы, с которой я фотографировал Горск и окрестности, стояла корчма. Я ее не застал. Корчма стояла в тридцатых годах, при поляках. Об этом рассказывала мама. В корчме торговал еврей. Горские мужчины пропивали там одежду, хозяйственную утварь. Еврея проклинали горские женщины. Когда позарез требовался грош, горчаки шли к корчмарю на поклон, неся к нему и свое унижение, и свое почитание, и свою ненависть. Еврей охотно давал в долг. Под процент, конечно. Когда он исчез куда-то, деревня радовалась.

Прожив бок о бок с евреями много веков, белорусы не освободились от ревности и зависти к ним. Моя юношеская любовь была одноклассницей-еврейкой Тамарой Апет. Родители, учителя, друзья постоянно напоминали мне о том, что она еврейка. Чтобы добить меня, пересказывали сплетни о ее «плохом поведении». Они сделали то, что хотели, -- поссорили нас. После школы я не видел Тамару. Говорят, она в Израиле.

Еврейская мечта всегда была и продолжает быть для белорусов постоянным раздражителем: они уезжают, а нам некуда, мы остаемся.

Мы остаемся под своей березой — и в этом суть, *браткі-беларусы*. Мы на своей земле, она дана нам Богом, а не решением ООН. Она вылепила наш менталитет — приземленность белоруса. Отсюда и надо плясать далее.

Мне тринадцать лет. Я в воде почти по пупик. Но я не купаюсь — кошу траву. Стараюсь не опускать косу в воду, срезать осоку и ситник так, чтобы оставались пеньки, чтобы на них держался редкий покос, не тонул. Как принято при косьбе, ноги широко расставлены для замаха и устойчивости. Кроме того, я не прекращая шевелю ими, дергаю, переступаю. Так не липнут пиявки. Черные и рыжие, они кишат в воде, но вызывают не ужас, а досаду: мешают работать.

Бабушка не такая сноровистая, как я, пиявки присасываются к ее ногам и рукам, пускают кровь. Выйдя из воды с охапкой мокрой травы, бабушка отрывает пиявки и клянет их, несмотря на то что баптистка, которой нельзя ничего и никого клясть. Она каждое воскресенье ходит на собрание, перед сном молится бесконечно, за что Бог, наверно, разрешил ей клясть пиявки, пристающие к внуку, и колхозную власть, загнавшую дитя на жуткую косовицу.

Сено мы заготавливали в самом трудном болоте. Этим занимались в основном я и бабушка. Больная мама сидела над швейной машинкой, зарабатывала живую копейку, закрывшись в хате на засов, плотно занавесив окна, потому что бригадир-кровопийца Остапчук науськивал Райфо разоблачить ее и содрать налоги.

Траву я косил там, куда никогда не ступал колхозный косец. Трава там пропала бы. Тем не менее, колхоз запрещал. Я косил, бабушка сбивала в мешки. Вечерами и ночами мы возили мешки велосипедом, сушили траву на своем дворе. Во двор Остапчук не совался, возможно, понимал, что Козловичи, защищая жизнь коровы-кормилицы, а следовательно, свою жизнь, готовы стать советскими косинерами.

Мы выжили благодаря родной природе. Не устаю повторять: спасибо, белорусское болото! Я защищал и буду защищать тебя от живодеров-“мелиораторов”, иссушающих твою и мою белорусскость.

Самодостаточный этнос заваривается и формируется в среде, где природно-биологические особенности племени получают социально-общественную закалку. Это весьма длительный процесс. В Беларуси он не завершен доньше, хотя историки утверждают, что процесс формирования белорусской нации закончился сто лет назад, к началу двадцатого века. Тогда же Петр Семенов-Тянь-Шанский писал о белорусах:

“Мещанство более или менее крупных городов быстро утрачивает белорусскую речь, которая подвергается сильному великорусскому влиянию... Таким образом в городах среди мещанства слышится или польская речь, или великорусская с сильной примесью белорусской фонетики, это придает речи горожан весьма неблагозвучный колорит... О местной белорусской интеллигенции, подобной, например, малорусской, речи быть не может, так как ее не существует. Независимо от того, к какому классу общества принадлежит образованный белорус, прошедший среднюю или высшую школу, он охотно оставляет родной край и ищет места на чужбине... Итак, с настоящим, коренным белорусом можно познакомиться только в его бедной деревне, среди болот и лесов.”

Минуло еще полвека — и среди болот и лесов не стало настоящего белоруса. Информативный моренный ландшафт давным-давно подсказал белорусу устраивать земледелие на мелкоконтурных изолированных друг от друга островках среди дикой природы. Мера была вынужденной, целесообразной, экономичной, экологичной. Белорусы окультурили все острова, пригодные для земледелия.

Там, где острова были слишком тесными, аборигены их расширили, осушив приболотье, выкорчевав перелески, убрав ледниковые валуны и камни. За века в Беларуси был накоплен народный опыт подлинной мелиорации. Думаю, это учили русские ученые, в 1856 году заложившие первый в Российской империи дренаж на поле Горецкой сельхозакадемии.

Нормальное улучшение земли испоганил, превратил в противоположность колхоз. Он сделал ничейными и незащитными не только социальные ценности, но и ценности природы. Окультуренные островки колхоз соединил в единый массив. Поскольку процессу обобщения мешала природа, ее устранили, осушив и перепахав болота.

Советское земледелие — насилие над национальным менталитетом. Нормой было бы сопротивление белорусов. Если не явное, активное, то хотя бы скрытое, психологическое, пассивное. В разгар мелиорации (шестидесятые-семидесятые годы) молва донесла до меня два случая народной борьбы: в Брагинском районе кто-то испортил экскаватор, роющий канал по огородам; в Копыльском районе крестьяне не дали уничтожить лесок и ручей рядом с деревней. Я тогда писал об этом в надежде, что по всей Беларуси откроются глаза. Не открылись.

Для белорусов типично отклонение от нормы: коллективные письма в партийные органы с просьбой скорее осушить болото и на его месте построить

социализм. Не могу простить белорусам эти письма, даже если они сочинены под насилием или по доверчивости.

Евреям, живущим мечтой о земле обетованной, простить человеческие слабости, повторяю, можно. Но как простить белорусам, живущим на своей земле, севшим на бульдозеры и экскаваторы с целью свою землю обезобразить, уничтожить основу национального мировоззрения — первичный ландшафт? Белорусы сделали это, потому что оголодали в колхозе. Им сказали: станьте мелиораторами — и будете сыты. Их снова обманули. Их надо простить. Они не преступники. Они безвольные и доверчивые.

Белорусы как нация недоварились в своем историческом котле. Последние 500 лет прошли впустую. Яркие национальные вспышки (Франциск Скорина, Николай Гусовский, Франтишек Богушевич, Якуб Колас, Янка Купала, Максим Богданович, Василь Быков) выявили высочайший потенциал белорусов, но не зажгли и не просветили массу, остались искрами в темноте.

Белорусская масса не имела формы и цели — собственного государства. Когда же наконец белорусское государство появилось (в начале девяностых), оно немедленно стало гасить национальные вспышки. Василь Быков оказался за границей. Союз писателей, не поддержавший президентские референдумы об отказе от национальных символов, выгнан из своего Дома, разгромлен. Власть лелеет посредственностей и холоуев, создав из оных новый союз писателей, поставив во главе СМИ своих опричников, которые в своем рвении превзошли даже незабываемого Хведара Жычку.

Навсегда запомню, как в марте 2004 года я зашел к директору писательского издательства «Мастацкая літаратура» Владиславу Мачульскому и спросил, почему много лет он держит взаперти мою экологическую книгу, собравшую необходимое количество читательских заявок. Правомерный вопрос автора показался надменному директору оскорбительным. Мачульский открыл дверь и приказал: «Вон из моего кабинета!»

От собственной безнаказанности он, видимо, и сам струсил. Через две недели я получил письмо за подписью главного редактора издательства «Мастацкая літаратура» В.А.Правдина: «Сёння, калі экалагічны стан асяроддзя ўсяго свету пагоршыўся настолькі, што пад пагрозай апынулася само існаванне чалавецтва, мы зноў уключаем у тэматычны план 2005 года вашу кнігу. Спадзяемся, што кніга будзе запатрабаванай».

Они не дебилы, они понимают важность темы, ценность книги. Но для них важнее услужение госхозяину, доверившему им процесс фильтрации писателей по признаку бесхребетности. Вскоре через коллегу-литератора, вхожего в их круг, мне намекнули, что если бы я вышел из «старого» союза писателей и вступил в «новый», то это решило бы проблему издания моей залежавшейся рукописи.

В союз государственных опричников я не вступил. Посему книгу мою они не издали. Более того, они уволили меня из института, где я семь лет учил студентов журналистике. Выгнали меня из газеты, оставив без трибуны. Распахнули передо мной черную дверь в никуда, в небытие: вон из нашего государства!

Но если я для них никто, то ничто — государство, позволяющее себе так обращаться со своим гражданином. Такое государство безответственно, оно все-таки дебилно, не осознает самое себя. Такое государство не может быть моим, всенародным, национальным.

Полноценное государство -- основа основ нации. Белорусы такой основы в полной мере не имели никогда. Они имели только исконную природу. К сожалению, природа не может долго, в одиночку, без помощи общественной силы поддерживать самобытность народа.

Белорусская природа устала бороться за свое дитя — белоруса. Природную силу подтачивала власть: при царе сведены леса, при коммунистах — болота (неподвластных гор у нас нет). В менталитете белоруса прервалась важная составляющая этнических потребностей — природная.

В памяти белорусов стерлось то, что есть у евреев, — счастливый цветущий край. Тех же, кто еще мечтает о таковом, власть или бьет дубинками, или, в минуту благодушного настроения, отсылает в выгульное собачье царство — в парк у площади Бангалор. Пусть мечтатели варятся в резервации, вне поля общественного зрения.

На площади Бангалор развитие белорусского национального процесса прекращается. Понимая это, молодые мечтатели не идут туда принципиально, а выходят на проспект Скорины с лозунгом: "Перемен!". Власть перегораживает проспект Скорины бронированным кордоном, для устрашения включает сирену, хватает 112 подростков и забрасывает в милицейские машины (12 ноября 2000 года).

30 октября 1988 года, на "Дзяды", несколько тысяч человек собралось у ворот Московского кладбища в Минске. Вход перекрыла милиция. Людям приказали расходиться. А когда они не послушались, их разогнали слезоточивым газом.

Самые непослушные небольшой толпой вышли в поле за минской кольцевой автодорогой и там, на покатоном холме, под пронизывающим ветром, облепленные первым снегом, начали отмечать "Дзяды": читали стихи, говорили речи. Выяснилось, что и здесь нельзя. Когда толпу в три ряда окружили милиционеры и солдаты, Зенон Позняк, лидер только-только рожденного БНФ, в отчаянии крикнул: "Садитесь на землю! Это наша земля! Никто нас с нее не прогонит!" Печально, белорусов прогнали с чистого поля, сбросили с родной горы.

Белорусы, садитесь на свою землю! — повторяю я сегодня. Садитесь в буквальном и в переносном смысле слова. Это действие и это состояние — в унисон вашему менталитету. Белорусы никуда не идут, как в начале двадцатого века показалось Янке Купале.

Оппозиция девяностых убедилась, что ради лучшей доли вывести белорусов на улицы и перекрестки невозможно. Не идут. Приспособились сидеть и ждать. И ладно. Недостатки следует превратить в достоинства. Белорусы сидят на своей земле как собака на сене. Прекрасно. Моя земля, никому ее не уступлю. Сидел-ждал 500 лет, посижу еще 50, пережду сумасбродную власть, авось следующая будет не такая.

Активисты международного экологического движения "Грин-писс" в знак протеста приковывают себя к трубам, кораблям, зданиям. Белорус прикован к родному краю. Что может быть надежнее! Приземленность белоруса подсказывает тактику и стратегию борьбы за счастье.

Сиди — и тем борись, белорус. Знай: одну тысячу лет, со времен Полоцкого княжества, ты сидишь на своей земле. Ты ей не изменил. Ты за ней смотрел в меру сил и возможностей. Ты ее благоустроивал, а она тебя кое-как кормила. Ты ее защищал от завоевателей. Ты пережил на ней тиранов и самодуров. Ты сильнее всех, белорус.

Сиди и дальше на своей земле — на основе основ. Твое сидение, белорус, — единственная гарантия того, что не прекратится национальный процесс. Ты сидишь — значит, есть контакт с основой, идут токи, подпитываются гены. Идет белорусизация.

Та земля, на которой ты сидишь, белорус, — это земля обетованная для будущих поколений. Сбереечь край — важнейшая задача. Может, у внуков и правнуков получится организовать общество так, что оно будет способствовать счастью. Но для этого надо оставить им платформу — белорусский край.

Садись, белорус, основательно, не на коленки, а на мягкое место. Твоя миссия историческая. Ты — *тутэйшы* сторож будущей высокой горы...

Я сяду рядом с тобой и буду читать тебе свои наивные стихи:

Агароды былі за вёскаю, у нізку,
Зялёная таямніца была там.
Я роснай цыбулі наскуб
І зялёную таямніцу разгадваць стаў.
У сярэдзіне слізкай яна была
І таксама зялёнай, пякучай на язык.
Па капустце зялёная кропля паўзла.
А да кропу зялёны чмель прынік...
Юрка, я зялёна-беларускае люблю,
Там пратаплазма робіць свой цуд.
Ды нялёгка зялёнаму хлапцу
Сябе любіць за сваю зялёнасць.
Юрка, я ў сябе ўлюблены?!
Ноч
Зялёнымі старымі веснічкамі
Рыпіць-рыпіць.
Не сплю...

Тот мальчик по-прежнему живет во мне, седовласом. Благодаря ему я выразил белорусские надежды.

Коль зеленый мальчик жив -- *жыве Беларусь!*

2001-2010